

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XVI

ИИМК

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
И Н С Т И Т У Т   И С Т О Р И И   М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й   К У Л Ь Т У Р Ы

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1952 ЛЕНИНГРАД

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С т а т ь и

	Стр.
И. И. Л я п у ш к и н. Раннеславянские поселения Днепроовского лесостепного Левобережья	7
М. И. А р т а м о н о в. Белая Вежа	42
М. К. К а р г е р. К истории киевского зодчества XI века. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде	77
А. Н. Р о г а ч е в. Остатки первобытно-общинного жилища верхнепалеолитического времени у с. Костенок на Дону	100
С. А. С е м е н о в. Костяные землекопные орудия из палеолитических стоянок Елисеевичи и Пушкари I	120
М. П. Г р я з н о в. Памятники карасукского этапа в центральном Казахстане	129
В. О. В и т т. Лошади Пазырыкских курганов	163
А. А. И е с с е н. Ранние связи Приуралья с Ираном	206
М. М. Х у д я к. Раскопки святилища Нимфея	232
К. В. Т р е в е р. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках	282

М а т е р и а л ы

Л. Н. И в а н ь е в. Археологические находки в окрестностях Владивостока	289
Н. А. К о з ы р е в. Новая неолитическая стоянка, обнаруженная в Ленинградской области	299
Г. И. Г о р е ц к и й. Следы палеолита и мезолита в нижнем Подонье	302
А. П. О к л а д н и к о в. Новые неолитические находки на Ангаре, в районе дер. Кежмы	320
М. Ф. Р о з е н. Некоторые новые данные о древних горных работах на Змеиногорском руднике на Алтае	327
В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане	331

М. П. ГРЯЗНОВ

ПАМЯТНИКИ КАРАСУКСКОГО ЭТАПА В ЦЕНТРАЛЬНОМ
КАЗАХСТАНЕ

Степи Казахстана богаты памятниками глубокой древности разных времен. Каждый исследователь, путешественник, краевед, какую бы часть Казахстана он ни посетил, всюду отмечает наличие разнообразных памятников седой старины. Развалины древних городов, усыпальниц и укреплений, курганы и каменные могилы, древние рудники и оросительные каналы, каменные изваяния и наскальные рисунки, места древних поселений и городища встречаются буквально на каждом шагу. Даже на необитаемых ныне барханах находим мы множество разнообразных предметов, сохранившихся под землей сотни, тысячи и десятки тысяч лет, а теперь лежащих на поверхности развеянного ветром песка на месте бывших здесь когда-то древних поселений, стоянок, могил.

Памятники разных эпох не в одинаковой мере подвергались археологическим раскопкам. Казахстан еще крайне слабо исследован в археологическом отношении, и сейчас для изучения истории населявших его древних племен и народов одинаковый интерес представляют памятники всех эпох. Между тем только памятники андроновской культуры бронзового века исследованы в довольно большом количестве. Памятники других культур или совсем не исследованы, или известны только в количестве одного-двух.

Слабая изученность Казахстана в археологическом отношении или, точнее, неравномерная изученность памятников разных эпох иной раз недостаточно учитывалась исследователями и приводила их к неправильным заключениям по некоторым вопросам истории культуры древних племен Казахстана. Так, например, С. И. Руденко пришел к мысли, что Казахстан в эпоху скифов был сравнительно мало заселен и обширные пространства степей и полупустынь «были огромным внутренним бассейном или, фигурально выражаясь, средиземным морем».¹ Это, конечно, неверно. В эпоху скифов жизнь в Казахстане, в том числе и в центральной его части, была ключом. Со временем расскажут нам об этом подробно многочисленные курганы с каменными дорожками, так называемые «курганы с усами». Раскопка одного из них в районе курорта Боровое, произведенная в 1930 г. Б. Н. Ждановым, показала, что они представляют собой богатые погребения скифской эпохи.² Об этом же говорят неоднократные находки различных бронзовых, золо-

¹ С. И. Руденко. Скифская проблема и алтайские находки. ИАН СССР, сер. истории и философии, 1944, № 6, стр. 270.

² Отчет о раскопках не издан, коллекция хранится в ГМЭ.

тых и других предметов скифского времени, обнаруженные в разных местах Центрального Казахстана.¹

Так же неправильно освещается и вопрос о периоде, предшествовавшем скифской эпохе. Крайне ограниченное количество исследованных памятников на обширной территории Казахстана лишило возможности получить ясное представление об особенностях культуры предскифской поры, а вполне естественное значительное сходство с культурой предшествующего периода — андроновской — привело к неправильному утверждению, что в то время как на востоке андроновская культура сменилась карасукской, на западе продолжала развиваться андроновская культура, ставшая, таким образом, непосредственным предшественником местной культуры скифского типа.² Границу между областью, население которой пережило карасукский этап культуры, и областью, где карасукский этап отсутствовал, следовало бы провести где-то по линии Обь-Иртышского водораздела, что совпадает с административной границей Казахстана, ибо по Енисею и Верхней Оби погребения карасукской культуры известны в большом количестве, а в Казахстане долгое время было известно только одно погребение — Дындыбай 11. Этот единственный памятник и заставил считать границей указанных областей не Обь-Иртышский водораздел, а район Караганды — местонахождение погребения Дындыбай 11. Раскопки в 1947—1948 гг. Бегазинского могильника привели неожиданно к заключению вообще об отсутствии памятников карасукского типа в Казахстане и о распространении в раннескифское время «культуры плиточных могил» забайкальско-монгольского типа вплоть до Центрального Казахстана.³ Увлечение мыслью о переживании андроновской культуры вплоть до начала скифской эпохи привело к тому, что авторы и редакция статьи «Бронзовый век» во втором издании «Большой советской энциклопедии» забыли о карасукской культуре вообще и даже на Енисее довели андроновскую культуру до VIII в. до н. э.

В настоящий момент, при слабой изученности археологии Казахстана, могильники Дындыбай и Бегазы представляют чрезвычайный интерес для истории племен Казахстана в эпоху поздней бронзы. Выяснение вопроса о том, являются ли эти памятники не типичными для Казахстана, относясь к культуре, область распространения которой находилась за пределами Казахстана, или их можно рассматривать в качестве примеров, выражающих характерные именно для Казахстана черты культуры, позволит наметить правильные пути для решения вопроса о развитии культуры племен Казахстана в предскифское время.

Погребение Дындыбай 11 раскопано мною в 1933 г. на р. Чурубайнуре примерно в 60 км к ЮЗ от г. Караганды. Добытые при его раскоп-

¹ Укажем прежде всего находку золотого накопечника ремня с изображением головы сайги, каменного блюда и других предметов из хищнических раскопок в 1901 г. в Тургайской области (см. ОАК за 1901 г., стр. 143) и находку в 1906 г. двух золотых браслетов, украшенных в «зверином стиле», и других золотых украшений в низовьях р. Сыр-дарьи (см. ОАК за 1907 г., стр. 124; изображения браслетов см.: М. R o s t o v z e f f. The animal style in South Russia and China. Лейпциг—Лондон, 1929, табл. XVIII, 1, 3).

Кроме того, из разных мест Центрального Казахстана известны скифского времени бронзовые котлы, княжалы, босвой чекан, многочисленные наконечники стрел, конские удила и псаши и другие предметы скифского времени.

² О. А. К р и в ц о в а - Г р а к о в а. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, 1947, стр. 153. — С. В. К и с е л е в. Древняя история южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 57, 92, 93. — С. С. Ч е р н и к о в. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-ата, 1949, стр. 69.

³ Л. Р. К ы з л а с о в и А. Х. М а р г у л а н. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИМК, XXII, 1950, стр. 136.

ках вещи хранятся в Эрмитаже. Описание раскопок с необходимыми чертежами и рисунками опубликовано в общем отчете экспедиции.¹ Поэтому здесь нет надобности подробно останавливаться на всех особенностях исследованного памятника. Напомним лишь основные черты устройства могилы и приведем некоторые дополнительные сведения, почему-либо не попавшие в опубликованный отчет.

На низкой широкой речной террасе правого берега р. Чурубай-нура, еще и теперь при сильных паводках частично заливаемой водой, расположено обширное могильное поле. Основную часть его составляют многочисленные круглые каменные оградки — могилы андроновской культуры. В восточной части поля расположены небольшие каменные кур-

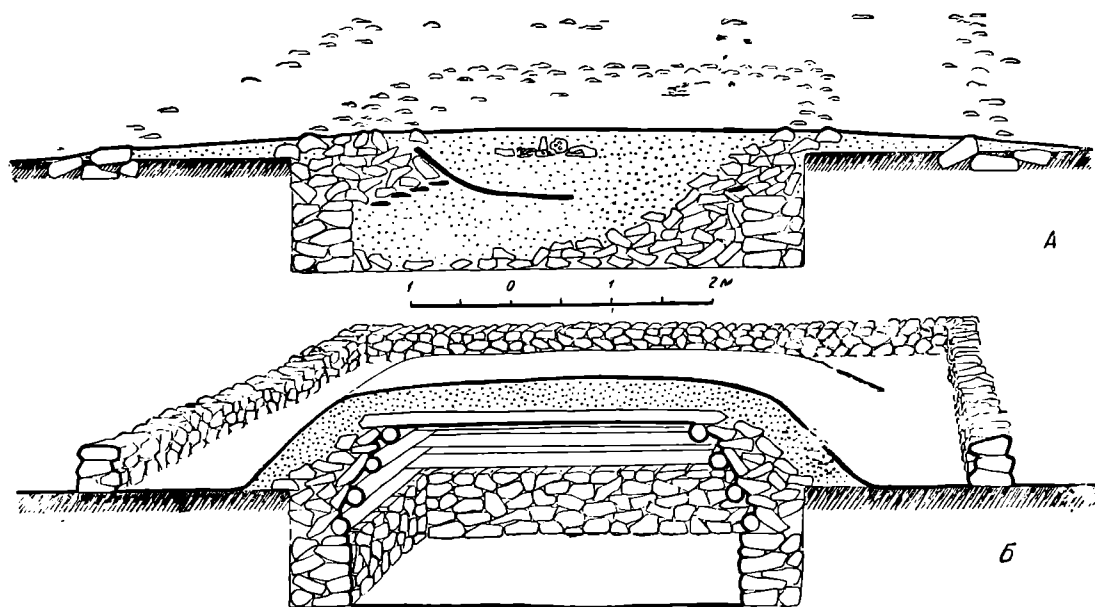

Рис. 1. Дындыбай. Разрез и перспективный рисунок погребения.

А — в современном виде; Б — первоначальный вид. реконструкция.

ганы, повидимому, времени ранних кочевников. Раскопки трех из них не дали вещевых находок.² Наконец, в южной части могильного поля, у самого края террасы находится серия каменных оградок квадратной формы, отделенная от круглых андроновских оградок неширокой полосой свободного от могил пространства. Это — самостоятельное кладбище, оказавшееся лишь по соседству с двумя другими и образовавшее с ними как бы одно обширное могильное поле. Территория этого кладбища занята глинобитными постройками аула Дындыбай, что затрудняло раскопки. Удалось раскопать лишь одну могилу (№ 11), крайнюю с запада.

Первоначальное устройство могилы представляется в следующем виде. В яме, глубиной 1.2 м, устроено квадратное в плане массивное каменное сооружение, площадью свыше 27 кв. м (5.2 × 5.2). Стены его, толщиной до 60 см и высотой около 70 см, сложены из бутового камня. Основа крыши представляла собой пирамидальный бревенчатый сруб

¹ См.: Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., II. / ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 49 сл.; см. также: Нурина экспедиция 1933 г. / ПИМК, 1933, № 9—10, стр. 57.

² См. там же, курганы №№ 5, 9 и 12.

в 4 звена, накрытый сверху бревенчатым же накатом из 12—14 бревен (рис. 1, Б). Пирамидальная форма сруба достигалась тем, что бревна каждого нового звена укладывались на 15—20 см ближе к центру сооружения. Так как в месте соединения бревен друг с другом пазов не вырубалось, наклонные стены сруба имели просветы шириной в толщину бревна. Бревна накатника были уложены, повидимому, вплотную. Крыша была затем обложена по бокам камнями и, вероятно, засыпана вынутой из могильной ямы землей. Так получился холм более 1 м высотой, под которым находилось просторное помещение площадью 16 м² (4×4 м), с потолком на высоте немного менее 2 м от пола. Вокруг холма была сооружена ограда, формы также близкой к квадратной, со сторонами длиной от 8 до 9 м. Стены ограды сложены из крупного бутового камня. Толщина их была, вероятно, 40—50 см, высота неопределима. Судя по количеству сохранившегося от ограды камня, частично разобранного жителями аула на хозяйственные нужды,¹ она не могла быть высокой: 40—50 см наиболее вероятная высота ограды.

Не успели еще деревянные части сооружения притти в ветхость, не успел еще окончательно разложиться труп погребенного, как в могилу проникли грабители и расхитили находившиеся в ней ценности. Они сделали, повидимому, пролом в южной части крыши, свалив при этом внутрь могилы камни и землю. Когда они снимали с полуразложившегося трупа ценные украшения, труп развалился на части, которые оказались в разных местах южной половины могилы, преимущественно на груде навалившихся в пролом камней и земли. При раскопках здесь найдены кости руки, лежавшие в правильном анатомическом порядке: все они, вплоть до последних фаланг пальцев и мелких сесамовидных косточек, находились на своих местах. В другом месте в таком же порядке лежали кости ноги без стопы; далее — кости нижней половины туловища (обе тазовых кости, крестцовая и 4 поясничных позвонка). Значительной части скелета недостает, в том числе и черепа. Возможно, что недостающие части трупа были выброшены наверх или вытащены после ухода грабителей зверями и потому не сохранились. Оставленные грабителями в могиле предметы, не представлявшие для них ценности, были смещены, брошены в беспорядке, некоторые глиняные сосуды и отдельные части их лежали в разных местах могилы.

После ухода грабителей могила постепенно заполнялась землей, осыпавшейся сквозь щели крыши и намываемой весенними водами. Когда могила заполнилась землей более чем наполовину (на 70 см от дна), подгнившие бревна не выдержали и крыша осела (рис. 1, А; бревна крыши изображены черными). На месте холма оказалась небольшая впадина. Со временем и эта впадина заполнилась землей, все неровности поверхности земли над могилой сгладились, и к моменту раскопок над могилой было едва заметное пологое возвышение не более 20 см высотой на пространстве около 12 м в поперечнике. Камни ограды развалились и погрузились до нижней границы почвенного слоя. На гладкой поверхности на месте бывшего могильного сооружения остались видными лишь едва выступающие из земли небольшие участки некоторых камней ограды (рис. 2; черным показаны части камней, видимые на поверхности земли).

Повидимому, вскоре после оседания крыши на дно образовавшейся впадины были сложены (или сброшены) беспорядочной кучкой вместе с несколькими камнями разрозненные кости неполного скелета юноши

¹ В нескольких метрах к ЮВ от исследованного погребения находились полуразвалившиеся глинобитные стены старого казахского зимника, в основании и углах которого включено большое количество камней, взятых, несомненно, с ближайших древних могил.

18—22 лет и неполного же скелета крупной не вполне взрослой особи барана.¹ Это, повидимому, остатки уже разложившихся трупов человека и барана, собранные где-то в виде костей, только частью державшихся в сочленениях на сохранившихся связках. Датировать эти остатки невоз-

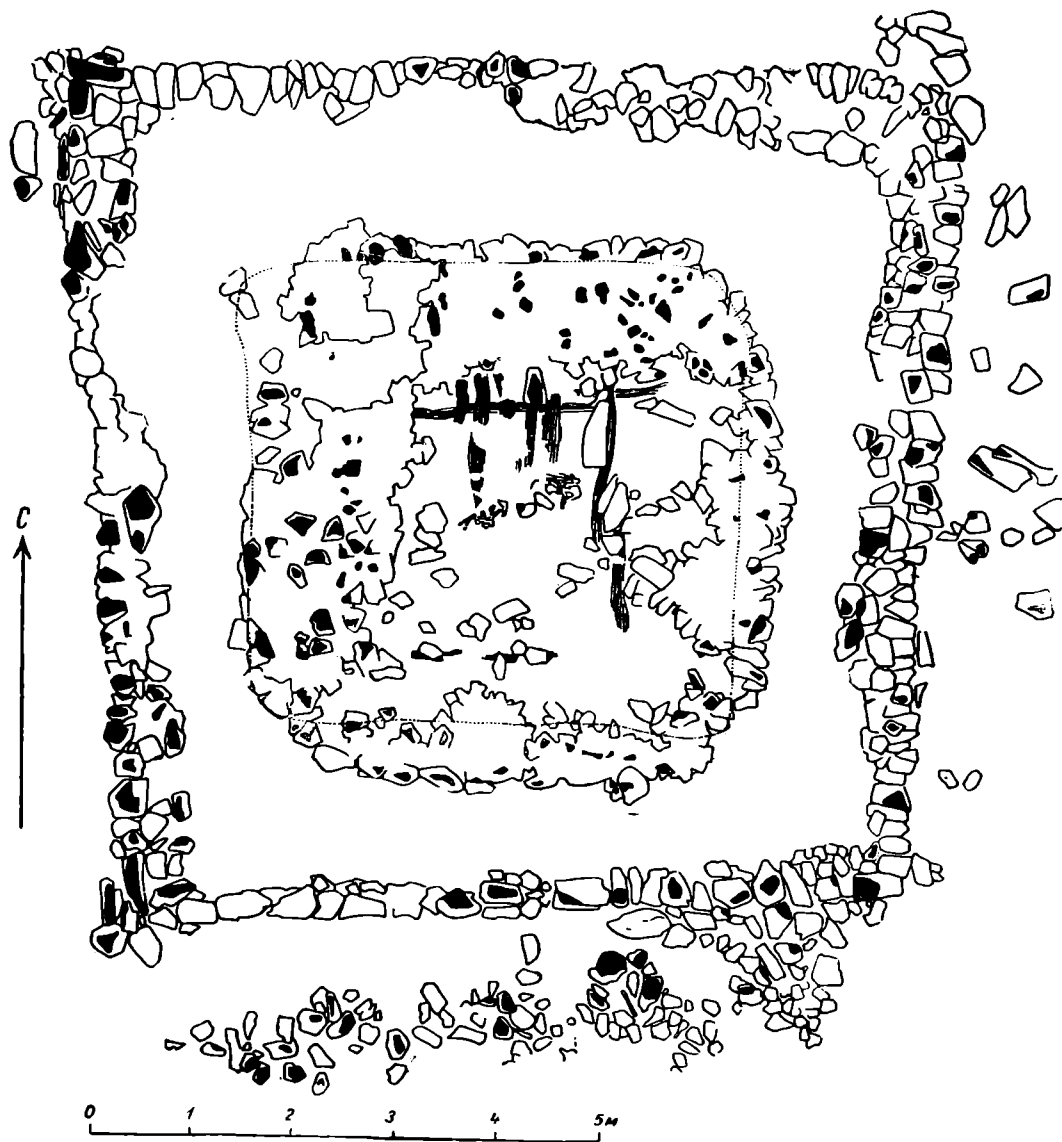

Рис. 2. Дыңдыбай. План могильного сооружения после удаления почвенного слоя.

можно. Несомненно лишь, что кости человека принадлежат не тому, чьи останки лежали в могиле. В могиле лежал скелет мужчины преклонного возраста, в яме над могилой — скелет юноши. Кроме того, наличие двух нижних челюстей, двух крестцовых, трех тазовых, трех больших

¹ В скелете человека не хватало всех костей плечевого пояса, костей обеих стоп, одной тазовой кости и нескольких ребер и позвонков; 3 поясничных позвонка, а в другом месте 3 грудных лежали в сочленениях. В скелете барана не хватает всех крупных костей плечевого пояса, по одной тазовой, бедренной и берцовой, многих ребер и позвонков передней половины позвоночника. Кости ног ниже запястного и коленного суставов, а также некоторые группы позвонков лежали в сочленениях. Определение костей животных произведено В. И. Громовой.

берцовых и четырех бедренных костей показывает, что это кости действительно двух разных скелетов.

В расхищенной грабителями могиле сохранилось немного. Кроме неполного скелета человека, на дне могилы лежало несколько разрозненных костей домашних животных — нижняя и верхняя челюсти старой собаки мелкой породы,¹ 2 ребра лошади и большая берцовая кость барана. Последняя находилась в северной части могилы, около самой стены внутримогильного сооружения. Приблизительно в том же месте в заполняющей могилу земле найдены астрагал, пяточная кость и обломок плечевой кости барана, лежавшие на разных уровнях до 50 см над полом. Кости барана принадлежали крупной взрослой особи.² На дне могилы и частью на груде навалившихся камней лежали черепки глиняной посуды, принадлежавшие 12 сосудам, большую часть которых удалось собрать полностью. Из числа других предметов сохранились

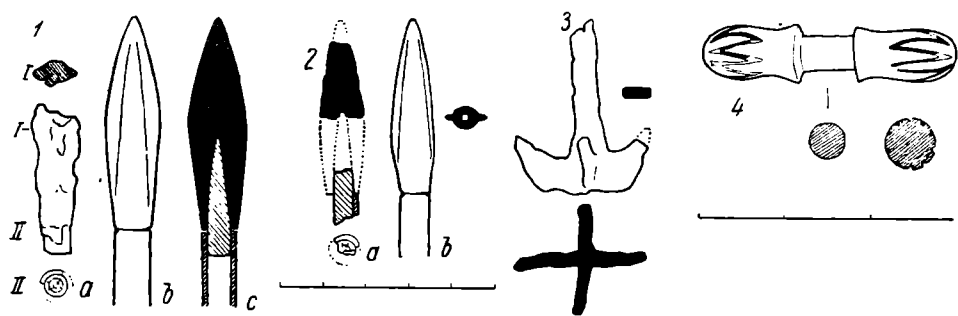

Рис. 3. Дныдыбай. Бронзовые (1—3) и костяной (4) предметы.

только роговая застежка, 2 медных наконечника стрел, медный предмет неизвестного назначения, кусочек медной проволоки и каменное орудие. Все они найдены на дне могилы.

Наконечники стрел. От одной стрелы сохранилась нижняя половина наконечника с остатками древка (рис. 3, 1), от другой — верхняя половина наконечника без острия и отдельно часть древка (рис. 3, 2). Металл полностью окислен. Окислы сильно деформировали предмет, и первоначальная форма наконечников улавливается с трудом. Несомненно, что оба наконечника были втульчатые, с нешироким пером, без характерного для раннекипфских стрел жальца. Остальные детали не ясны. Предлагаемая мною реконструкция этих наконечников стрел (рис. 3, 1b и 2b) является лишь наиболее вероятным предположением о первоначальном их виде, не больше. Остатки древков стрел исследованы проф. С. И. Ваниным. Они были сделаны из тростника арундо (*Arundo donax* L.) и груши. Древко в обоих случаях сделано из стебля тростника, верхний конец которого, прямо обрезанный, имел диаметр, равный диаметру втулки наконечника, и упирался своим обрезанным краем в край втулки стрелы. Наконечник стрелы соединялся с древком с помощью обрезка ветки груши (в одном случае трех-, в другом четырехлетней), вставленного нижним концом в стебель тростника, а верхним, конически заостренным, во втулку наконечника (см. рис. 3, 1c). Как материал для древков стрел тростник арундо употреблялся

¹ Определение В. И. Громовой.

² Определение В. И. Громовой.

с давних пор и настолько широко, что Плиний в связи с этим заявил даже, что «полсвета было завоевано тростником».¹

Медный предмет неизвестного назначения, имеющий форму четырехлопастного якоря (рис. 3, 3), повидимому, литой.

Кусочек медной проволоки, круглой в сечении. Оба конца ее отломаны, длина сохранившейся части 26 мм. О назначении ее трудно судить. Вряд ли это была игла.

Роговая застёжка в виде круглой палочки с вырезом посредине для ремня и с закругленными концами (рис. 3, 4). На обоих концах рисунок из глубоко врезанной зигзагообразной линии, инкрустированной каким-то черным веществом.

Каменное орудие миндалевидной формы, изготовленное техникой отжимной ретуши (рис. 4), сделано из пестрой кварцевой породы

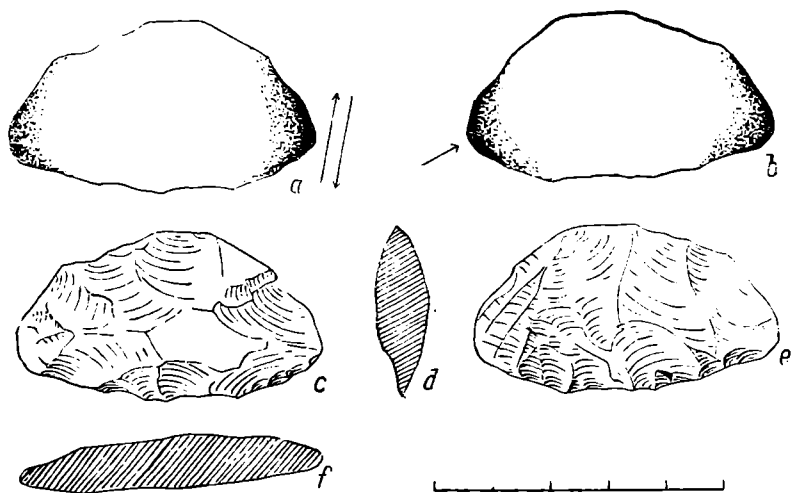

Рис. 4. Дындыбай. Каменное орудие.

различных оттенков от бледнорозового до темного буро-красного, местами приобретающего фиолетовый тон, с несколькими пятнами желтого цвета. Ретушь образует широкие плоские фасетки, далеко заходящие на боковые поверхности орудия. На одном конце его имеется 3 резцовидных или нуклеидных скола (см. рис. 4, e, слева). Назначение и использование орудия не вполне ясно. Оба острых конца его сношены в работе — они сильно затуплены, поверхность зашлифовалась и заполировалась, как это показано на рис. 4, a, b, на самых концах края фасеток совершенно сглажены. Все это отчетливо видно невооруженным глазом. В лупу при 10- и 20-кратном увеличении можно видеть, что гладкая, без бороздок, заполировка есть результат длительного трения о какое-то тело, менее твердое, чем материал орудия, и не имеющее включений твердых частиц. Только в одном пункте, самой выдающейся точке конца орудия (указанной стрелкой на рис. 4, b), испытывавшей, повидимому, максимальное давление при работе, видна серия очень мелких параллельных бороздок. Направление бороздок указывает, что трение

¹ О распространении использования тростника в древности см. в статье проф. С. П. Ванина «Материалы по изучению анатомического строения и физико-механических свойств древесины древесных пород и кустарников Кавказа» (Сб. Трудов кафедры строят. механики и кафедры древесиновед. Ленингр. лесотехн. акад. им. С. М. Кирова, Л., 1940, стр. 57—60). Тростник арундо произрастает повсеместно в странах Средиземноморья. У нас он известен на Кавказе и в Средней Азии, в ее южных частях, особенно по среднему течению р. Аму-дарья.

происходило в направлении, показанном парой стрелок на рис. 4, а. Работа, производившаяся орудием, не могла быть резанием, пилением, прокалыванием или сверлением, так как все острые края граней давно уже были затуплены и совершенно сглажены; работа не могла быть и скоблением, так как и в этом случае орудие должно иметь если не острые, то хотя бы четкие края граней; она не могла быть и дроблением или рыхлением какого-то материала, ибо в этом случае должны сохраниться следы избитости рабочей поверхности орудия или изборозденность ее расходящимися по сторонам от острия штрихами. Наблюдаемый характер сработанности орудия мог получиться при разминании им кожи в натянутом положении или разложенной на твердой плоскости или при подобной же работе над другим эластичным материалом. Отмеченная серия бороздок на одном конце орудия могла получиться при попадании на поверхность обрабатываемого материала мельчайших твердых частиц, всегда имеющих во взвешенном состоянии в воздухе.

Глиняный сосуд № 1 в форме кубка, емкостью в 0.4 л¹ (рис. 5, 1 и рис. 12). Внешняя его поверхность серая, местами темно-серая, на поддоне до красноватой; внутренняя темнее. В изломе — снаружи красноватый, внутри темносерый. Глина без видимых минеральных или органических включений. Формован выдавливанием из кома глины.² Поддон налепной, сформован из другого куска глины. Орнамент оттиснут ребенчатым штампом в такой последовательности: сначала проведена верхняя, опоясывающая венчик сосуда горизонтальная линия, затем спиральные ленты, составленные из косых оттисков короткого штампа, и, наконец, линии, образующие нижние контуры этих лент. После нанесения рисунка наружная поверхность сосуда вылощена. Блеск сохранился слабо.

Глиняный сосуд № 2 в форме кубка, емкостью в 0.6 л (рис. 5, 2 и рис. 6). Поверхность темносерая внутри и снаружи. В изломе — равномерно серый. Глина с примесью небольшого количества толченого гранита (?) и с редкими включениями мелких блесков пирита.³ Формован, как и предыдущий. Орнамент в виде ленты, спирально опоясывающей сосуд в 8.5 оборота и упирающейся нижним концом в круг из двух линий; оттиснут ребенчатым штампом. На поддоне тем же штампом оттиснута тамга. После нанесения рисунка поверхность сосуда вылощена. Сосуд вылощен и внутри, но менее тщательно.

Глиняный сосуд № 3 с шаровидным туловом, высокой шейкой и плоским дном, емкостью в 1.5 л (рис. 5, 3 и рис. 9). Внешняя поверхность серая, местами с желтоватым оттенком, с темными, до черного, пятнами на тулове и одним таким же пятном на шейке; внутренняя — темносерая в верхней половине и серая в нижней. В изломе — пепельносерый с желтоватым оттенком около внешней поверхности. Глина с примесью толченого гранита и блесками пирита. Формован выдавливанием из кома глины. Дно уплощено. Рисунок выполнен оттисками штампа-лопаточки с пологими вырезами на одной его стороне. После нанесения орнамента поверхность сосуда вылощена как снаружи, так и внутри. Сосуд использован для варки пищи, на что указывают остатки нагара в наиболее черных местах темных пятен на тулове.

¹ Определение емкости сосудов производилось способом, описанным в моей статье «Техника графической реконструкции формы и размеров глиняной посуды по фрагментам». СА, VIII, 1946.

² О технике формовки этого сосуда и других см. ниже.

³ Точного анализа состава глины этого и других сосудов не производилось. Все приводимые определения сделаны мною при рассмотрении излома черепка под лупой и претендовать на точность не могут.

Глиняный сосуд № 4 с шаровидным туловом, со слабо выраженной шейкой и уплощенным дном, емкостью в 1,5 л (рис. 5, 4). Внешняя поверхность его темносерая, до черного на блестящих участках; внутренняя — светлее. В изломе — светлосерый к внутренней стороне и светлый желтовато-красноватого тона к наружной. Глина с незначи-

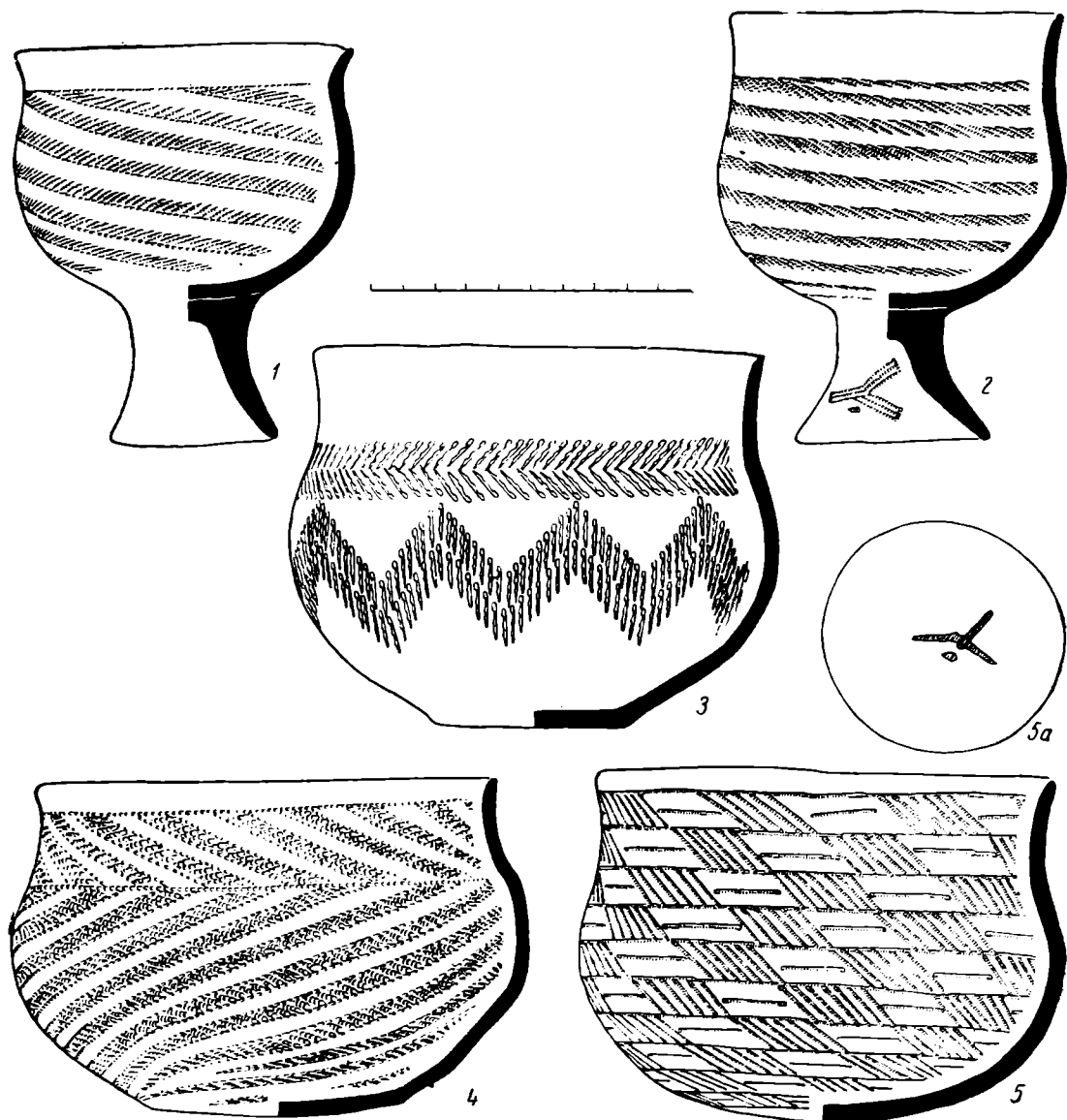

Рис. 5. Дыдыбай. Сосуды №№ 1—5.

тельной примесью мелкого песка или толченого гранита (зерна кварца и мягких пород, величиной около 0,5 мм). Формован выдавливанием из кома глины. Уплотненное дно, диаметром в 7,5 см, имеет форму очень пологого конуса. Поставленный на плоскость, сосуд качается, сильно наклоняясь на бок. Орнамент выполнен гребенчатыми штампами. Сначала нанесены ряды косых оттисков короткого штампа, образующие ленты узора, а затем другим штампом оттиснуты контуры этих лент.

После нанесения рисунка поверхность сосуда вылощена снаружи и внутри, внутри менее тщательно.

Глиняный сосуд № 5 с шаровидным туловом, ясно выраженной шейкой и выпуклым дном, емкостью в 1.3 л (рис. 5, 5 и рис. 7). Внешняя поверхность темносерая; внутренняя также, несколько темнее в верхней

Рис. 6. Дындыбай. Сосуд № 2. Нат. вел.

части. В изломе — равномерно серый. Глина с незначительным включением мелких блесков пирита и, повидимому, с примесью песка или толченого камня (на склеенном сосуде последнее не удалось рассмотреть как следует). Формован выдавливанием из кома глины. Орнамент выполнен гребенчатым штампом. Сначала оттиснуты контуры рисунка, а затем заполнение фигур. На дне, на участке, свободном от рисунка, после того как сосуд был обожжен, процарапана тамга, такая же по форме, как и на сосуде № 2 (рис. 5, 5а). После нанесения орнамента поверх-

ность сосуда вылощена снаружи и внутри, внутри менее тщательно и только в верхней части.

Глиняный сосуд № 6 с высоким горлом и плоским дном, емкостью в 2.1 л (рис. 8, б). Внешняя поверхность светложелтого тона, местами принимающего оранжевый оттенок; внутренняя также светлая

Рис. 7. Дыдыбай. Сосуд № 5. $\frac{1}{2}$ пат. вел

серовато-желтая. В изломе — светлый серовато-желтый. Глина со значительным содержанием толченого гранита и с блестками пирита (зерна кварца и полевого шпата величиной до 1.5 мм). Формован выдавливанием из кома глины. Уплощенное дно неровно: сосуд, поставленный на гладкую поверхность, качается. Рисунок нанесен гребенчатым штампом. Сначала оттиснуто заполнение фигур рисунка, возможно, по предварительно намеченным контурам, а затем оттиснуты и контуры рисунка. Рисунок состоит из сильно вытянутых косых треугольников по венчику,

ряда прямоугольных фигур по шейке и 4 крупных прямолинейных завитков на тулове, подвешенных к горизонтальной полосе. После нанесения рисунка поверхность сосуда как снаружи, так и внутри вылощена.

Глиняный сосуд № 7, имеющий форму очень низкого кувшина с прямым горлом, вздутыми боками и плоским дном, емкостью в 1.2 л (рис. 8, 7). Поверхность черная (или темносерая) снаружи и внутри. В изломе — серый. Глина с примесью мелко толченого гра-

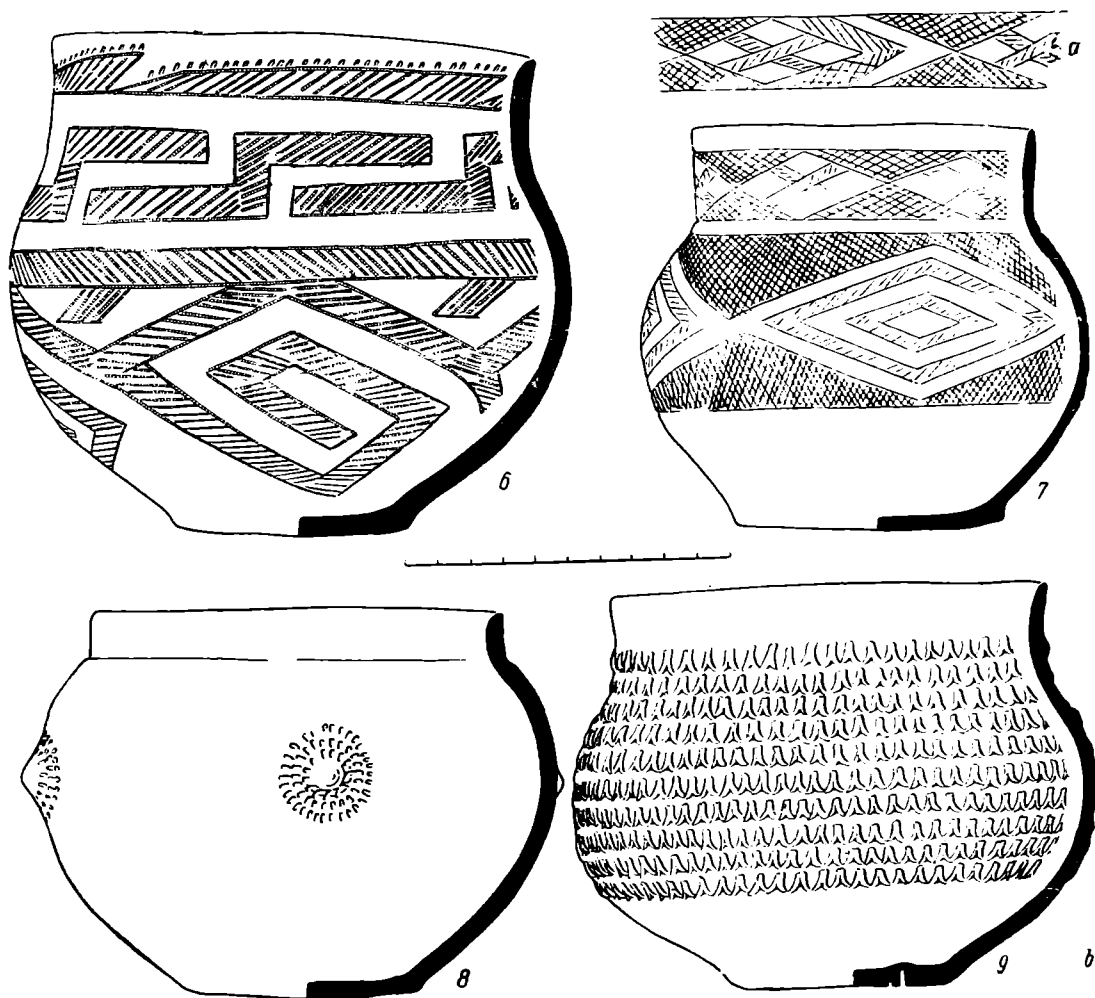

Рис. 8. Дындыбай. Сосуды №№ 6—9.

нита и небольшого количества блесок пирита. Формован выдавливанием из кома глины. Дно почти плоское, образовано, повидимому, налепом тонкого кружка глины. Рисунок в виде полосы из 5 ромбов на шейке и полосы из 3 ромбов на тулове отиснут краем острой пластинки или лезвием ножа. Сначала отиснуто заполнение фигур рисунка, вероятно, по предварительно намеченным контурам, а затем отиснуты и сами контуры.

Нанося рисунок на шейке, мастер неправильно рассчитал величину ромбов; оставшееся свободным место пришлось заполнить двумя зигзагами — заштрихованным и гладким (рис. 8, а). После нанесения орнамента поверхность сосуда, наружная и внутренняя, вылощена, внутренняя менее тщательно.

Глиняный сосуд № 8 с шаровидным туловом, низкой прямой шейкой и уплощенным дном, емкостью в 1.4 л (рис. 8, 8 и рис. 9). Внешняя поверхность только на небольших участках имеет красновато-желтый цвет. Большая часть поверхности покрыта пятнами серого до темно-серого цвета. Внутренняя поверхность серая. В изломе — серый с тон-

Рис. 9. Дындыбай. Сосуды №№ 3 и 8. $\frac{1}{2}$ nat. вел.

ким слоем желтовато-красного цвета у внешней поверхности даже в тех местах, где последняя темносерая. Глина с примесью небольшого количества очень мелкого песка или толченого камня. Формован выдавливанием из кома глины. Дно слегка выпуклое, имеет на внутренней поверхности концентрические круги — следы работы пальцами. Орнамент состоит из четырех маленьких налипных бугорков сосцевидной формы,

расположенных не строго симметрично, окруженных 3 концентрическими рядами овальных ямок. Наружная поверхность сосуда лошенная.

Глиняный сосуд № 9 с шаровидным туловом, ясно выраженной шейкой и плоским дном, емкостью в 1.6 л (рис. 8, 9). Внешняя поверхность желтовато-серая с темными пятнами на тулове; внутренняя — равномерно желтовато-серая. В изломе — равномерно желтовато-серый. Глина с примесью мелко истолченного гранита и мельчайших блесток пирита. Формован выдавливанием из кома глины. На дне с наружной стороны сделано два глубоких вдавления лучинкой или пластиной (рис. 8, *л*). Вряд ли это случайность. Орнаментирован рядами ногтевых защипов двумя пальцами. Свободная от рисунка поверхность лошенная. Сосуд употреблялся для варки пищи — на тулове сохранились следы нагара там, где расположены темные пятна.

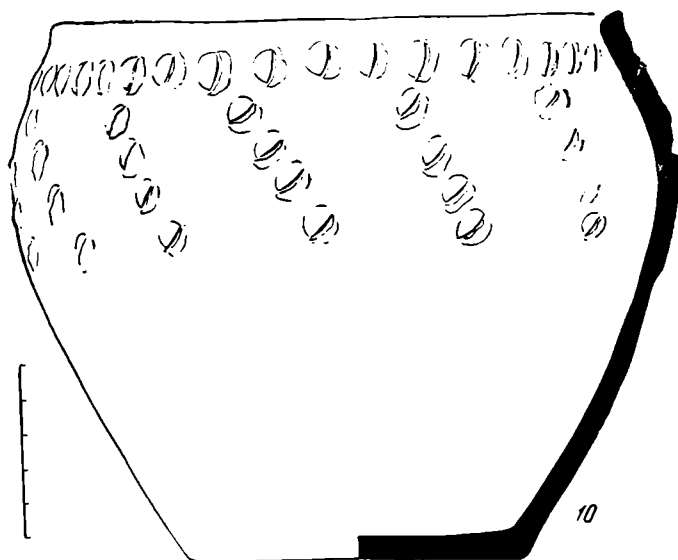

Рис. 10. Дындыбай. Сосуд № 10.

Глиняный сосуд № 10 в форме цветочной банки со скошенными плечиками, емкостью в 2.9 л (рис. 10, *л* и рис. 12). Сохранилась только часть сосуда, около $\frac{1}{3}$. Внешняя поверхность серая, местами темносерая; внутренняя — серая. В изломе — серый. Глина без заметных минеральных включений, содержит примесь какого-то органического вещества, расплавляющего черепок по мелким плоскостям, параллельным направлению стенок сосуда. Изготовлен, повидимому, налепом со дна (ленточным способом). Орнаментирован ногтевыми отпечатками большого пальца руки. После нанесения орнамента наружная поверхность сосуда, начиная от горизонтального ряда ногтевых отпечатков и до дна, заглажена ножом, фасетки которого отчетливо видны по всей поверхности.

Глиняный сосуд № 11 такой же формы, но с венчиком, слегка отогнутым наружу, емкостью около 2.5 л (рис. 11, *л*). Сохранилось лишь около $\frac{1}{4}$ черепков (верхняя часть сосуда). Внешняя поверхность пятнистая, от кирпично-красного до серого, местами с резко очерченными границами пятен; внутренняя — серая, местами со слабым красновато-коричневым оттенком. В изломе — черный. Глина без заметных минеральных включений, содержит примесь какого-то органиче-

ского вещества, имеет неправильную мелко-фасеточную слоистость, параллельную поверхности стенок сосуда. Способ формовки сосуда не ясен. Орнаментирован ногтевыми отпечатками пальца. Рисунок состоит из 3 фестонов. Лошение и заглаживание поверхности сосуда отсутствуют.

Глиняный сосуд № 12 в форме горшка с почти прямым венчиком, емкостью в 3.8 л (рис. 11, 12). Сохранился не полностью, недо-

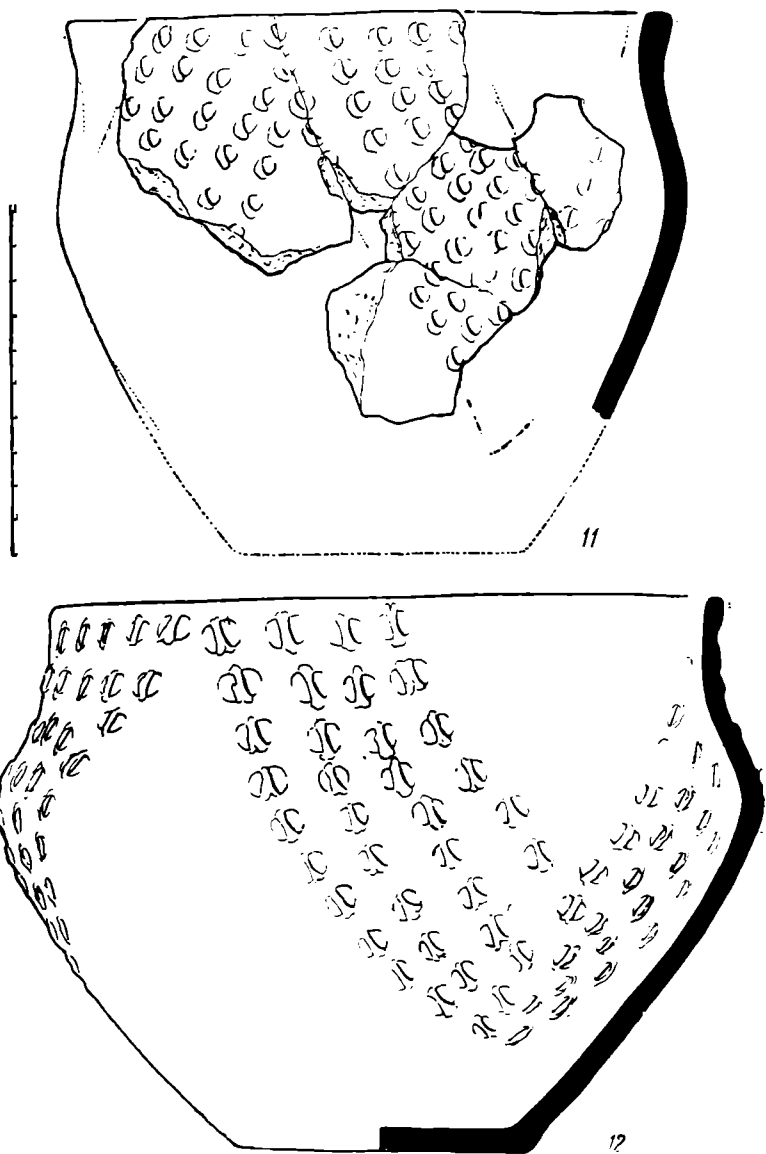

Рис. 11. Дыдыбай. Сосуды №№ 11 и 12.

стает около $\frac{1}{3}$. Внешняя поверхность кирпично-красная с серыми и темносерыми пятнами в разных частях сосуда, иногда с резкими границами; внутренняя — серая. В изломе — почти черный, местами с тонким слоем кирпично-красного цвета, толщиной до 1 мм, у внешней поверхности. Глина с примесью какого-то обуглившегося органического вещества и незначительным количеством мелкого песка или толченого камня. Черепок расслаивается по многочисленным мелким, беспорядочно расположенным плоскостям с общим направлением, параллельным поверх-

ности стенок сосуда. Возможно, что вылеплен ленточным способом, хотя определенных указаний на это нет. Орнаментирован ногтевыми защипами двух пальцев. Рисунок состоит из 3 крупных фестонов. Следов лощения или заглаживания поверхности не заметно.

Погребение Дындыбай 11 имеет много своеобразных черт, до последних лет не известных нам в других памятниках Казахстана и смежных с ним районов. По ряду особенностей это был единственный в своем роде памятник. Только раскопками 1947—1948 гг. в урочище Бегазы открыт могильник с аналогичными погребениями, описание которых будет дано ниже. Вместе с тем он обладает также признаками, связывающими его с определенной группой памятников степной полосы Азии, и настолько характерными, что вопрос о датировке и культурной принадлежности погребения не вызывает особых затруднений. Рассмотрим обе категории признаков.

Необычно устройство могильного сооружения. Нам не известны в могилах толстые каменные стены бутовой кладки, бревенчатые пирамидальные крыши, не известны намогильные ограды из уложенных в несколько слоев камней, но более простые устройства близких типов встречаются. Сложенные из камней в один ряд стены в могильной яме имеются в андроновских погребениях Центрального и Восточного Казахстана и Минусинских степей. Каменные оградки из одного ряда уложенных на поверхности земли камней или вертикально поставленных плит обычны для погребений андроновской культуры от Урала до Енисея и для карасукских погребений Минусинских степей. В первом случае оградки, как правило, круглой формы, во втором — прямоугольной. Пирамидальные бревенчатые крыши в погребениях не известны.¹

Общий характер устройства могильного сооружения если и не имеет точных аналогий в известных нам памятниках, то все же может быть сопоставлен с могилами андроновской и карасукской культур. Ограждение могил, появившееся повсеместно в андроновское время, было обязательным и в карасукское, по крайней мере в Минусинских степях,² где этот обычай сохранялся и позже, вплоть до конца I тысячелетия н. э. Но в Казахстане и на Алтае уже с начала эпохи ранних кочевников, примерно с VII—VI в. до н. э., все известные могильные памятники не имеют каменных оград, хотя камень для устройства их внутренних и внешних сооружений употреблен часто в большом количестве.

Такие крупные размеры могильного сооружения, как в Дындыбае, необычны для погребений андроновского этапа. Известен один только андроновский могильник, в котором среди обычных по размерам курганов есть и крупные, диаметром до 20 м.³ Самые богатые погребения устраивались в могилах размерами не более 2,5 × 2,0 м.⁴ Не велики могильные сооружения и карасукского этапа. Самое богатое погребение с земляной насыпью в 30 м диаметром находилось в могиле небольших разме-

¹ Пирамидальные бревенчатые крыши широко распространены у современных тюркских племен Алтая и Минусинских степей. В древности такая конструкция крыши нам известна по изображениям на Боярской писанице в Минусинской степи, относящейся к середине I тысячелетия до н. э. [см. мою статью «Боярская писаница» (ПИМК, 1933, № 7—8)], и по описанию Витрувия (I в. до н. э.) у колхидян (В и т р у в и й. Десять книг об архитектуре. М., 1937, стр. 41, 42).

² В районе верхней Оби, где нет камня, все погребения андроновского и карасукского времен устраивались без каменных сооружений.

³ Л. К. Н и ф о в т о в а. Андроновское погребение в Абаевском районе Семипалатинской области. ИАН КазССР, № 67, сер. археолог., вып. 2, 1950.

⁴ Алап-аул № 5 (Археологические работы Академии на новостройках. , II, стр. 57).

ров со стенками, обложенными каменными плитами.¹ Следовательно, погребение в Дындыбас является пока самым крупным по своим размерам и, повидимому, самым богатым из известных нам погребений андроновского и карасукского этапов. Позже, начиная с майэмирского этапа,

Рис. 12. Дындыбай. Сосуды №№ 1 и 10. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

встречаются и более богатые и более грандиозные по своим сооружениям могилы.

Найденные в погребении предметы, кроме керамики, недостаточно характерны. Каменное орудие и медный предмет в виде якоря не имеют аналогий. Наконечники стрел из-за плохой их сохранности не могут

¹ С. В. Киселев. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1938 г. ВДИ, 1939, № 1, стр. 256.

быть надежным материалом для сопоставлений. Бронзовые наконечники стрел доскифского времени в Сибири и Казахстане почти не известны. Объясняется это, вероятнее всего, тем, что мы не имели пока случая их найти, так как поселения карасукского времени почти не исследовались, а в могилах оружие не погребалось.¹ Если наша реконструкция стрел в Дындыбае верна, то можно лишь сказать, что они более всего похожи на распространенные в азиатских степях наконечники стрел раннескифских типов. Типологически их следовало бы считать самой ранней формой скифских стрел. Кроме того, форма их весьма близка напоминает некоторые бронзовые наконечники копий предскифского времени.² Единственный, известный мне, бронзовый наконечник стрелы предскифского времени в Казахстане найден О. А. Кривцовой-Граковой в поселении близ пос. Алексеевки. Он также имеет коническую втулку, но перо более широкое, пламевидное. По форме своей напоминает бронзовый наконечник копья в миниатюре.³ Такие же наконечники известны в предскифское время и в степях Приднепровья.⁴

Роговая застежка имеет некоторые аналогии в случайных находках Сибири, к сожалению, не датированных. Такова, например, бронзовая застежка из Минусинских степей, подобная по форме, но удлинённых пропорций и без орнамента.⁵ Такой же конструкции, только иных форм бронзовые застежки найдены Б. А. Куфтиным в Закавказье, в погребениях, относимых им к эпохе бронзы и первого появления железа, т. е. к XI в. и первым векам I тысячелетия до н. э.⁶ Варианты таких же застежек встречаются также и в значительно более позднее время — бронзовая найдена в могильнике Кудыргэ на Алтае (VI—VII вв. н. э.)⁷ и роговая — в курганном могильнике Сростки I, близ г. Бийска (VIII—X вв. н. э.).⁸ Наконец, весьма близки по форме к нашей застежке бронзовые и белопастовые бляшки, отличающиеся лишь тем, что с одной стороны они плоские. Серия таких бляшек найдена мною в 1947—1949 гг. в погребениях большепереченского этапа на Ближних Елбанах (р. Обь, между Барнаулом и Бийском);⁹ две белопастовых бляшки встречены также среди случайных находок — одна на Алтае, другая в Минусинских степях.¹⁰

Обряд погребения и рассмотренные предметы не дают достаточно прочных оснований для датировки памятника, но все они указывают на карасукское время как на вероятную его дату. Решающее значение в этом отношении имеет керамика. Поскольку она дает материал и для освещения некоторых других вопросов, необходимо остановиться несколько подробнее на ее особенностях.

По технике изготовления резко различаются две группы сосудов — плоскодонные горшки, вылепленные, повидимому, ленточным способом,

¹ Из сотен исследованных погребений карасукского этапа только в одном был найден бронзовый кельт (р. Уйбат).

² См., например, копьё из собрания Ханенко из Киевской губ. (Древности Приднепровья, вып. 1. 1899, табл. XI, 38 и 39).

³ О. А. Кривцова-Гракова, ук. соч., рис. 33.

⁴ Р. Рау. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolga Gebiet. 1929, табл. XIV, 2, С, D.

⁵ Эрмитаж, ОИПК, инв. № 1133-266.

⁶ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, рис. 79 и табл. XXXVIII и XLVII.

⁷ С. И. Руденко и А. Н. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. МЭ, III, 2, Л., 1927, рис. 10, фиг. 15.

⁸ Раскопки М. Н. Комаровой, 1925 г. Коллекция ГМЭ, инв. № 4381/76.

⁹ М. П. Грязнов. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул, 1950, табл. III, 4.

¹⁰ Эрмитаж, ОИПК, инв. №№ 1122-14 и 1133-213.

и сосуды разных форм с шаровидным туловом, формованные выдавливанием из кома глины.

К первой группе принадлежат 3 сосуда (№№ 10—12), самые крупные по размерам, емкостью от 2.5 до 3.8 л. Вылеплены они из глины с примесью какого-то органического вещества, обуглившегося при обжиге, и, кроме того, в одном случае (№ 12) с небольшим количеством песка или толченого камня. Хотя на наших трех сосудах изломов по линии спайки и не видно — они вообще бывают видны далеко не на каждом сосуде, — ленточный способ их лепки все же очевиден. На это указывают их плоское дно, коническая форма нижней половины сосуда и резко выраженный угол перехода от дна к стенкам. Все это могло быть только в том случае, если лепка сосуда производилась начиная от дна, при давлении к твердой плоскости, при последовательном наращивании к нему стенок. Сосуды эти относительно толстостенные (от 5 до 7 мм). Поверхность их не лощеная. В двух случаях ясно видны следы заглаживания ножом. Орнамент несложный, во всех случаях ногтевой. От второй группы сосудов эти горшки отличаются более грубой выделкой. Несомненно, они употреблялись для варки в них пищи, на что указывает наличие темных пятен на внешней поверхности стенок, хотя остатков нагара не сохранилось (возможно, что слой нагара счищен при реставрации).

Вторую группу (№№ 1—9) составляют три типа сосудов, но все они одинаковы по технике изготовления и в связи с этим одинаковы по некоторым особенностям их формы. Формованы они из кома глины путем выдавливания стенок изнутри круглым камнем-голышом или другим подобным предметом. Этим достигалась тонкостенность сосудов и равномерность толщины стенок. Толщина стенок обычно не превышает 4—4.5 мм. В одном случае толщина 3 мм, а местами до 2.5 мм (№ 7). Только один сосуд имел стенки толщиной в 4—6 мм (№ 6). Наиболее же характерна форма тулова этих сосудов: все они имеют форму более или менее сплюснутого шара. При формовке выдавливанием стенок изнутри сосуд приобретает форму, близкую к шаровидной, затем дополнительными операциями мастер изменяет эту форму, выравнивает и формирует венчик, прилепляет поддон, выдавливает плоское дно. Выдавливание дна производилось на мягкой упругой основе (ладонь руки, колено). Это не давало возможности получить гладкое, действительно плоское дно. Дно таких сосудов неровное, с более или менее значительной выпуклостью. Сосуд плохо стоит на гладкой поверхности, качается. Так как сосуд в процессе работы находится все время навесу в руках, а не стоит на плоской поверхности, как при лепке ленточным способом, то не всегда удается сделать параллельными плоскости дна и венчика — один край сосуда оказывается выше другого. Наиболее отчетливо это выражено на сосудах №№ 6 и 9.

Все сосуды этой группы сделаны более тщательно, чем первой. Вылеплены из тонкой глины с примесью мелкого песка или толченого гранита. Во всех случаях, кроме двух (№№ 1 и 4), к глине примешан измельченный пирит, блески которого искрятся на глянцевиной поверхности стенок сосуда. Все сосуды лощеные, в некоторых случаях даже и с внутренней стороны. Поверхность их в основном темносерого и даже черного цвета. Только 1 сосуд желтого цвета, переходящего местами в оранжевый (№ 6), и 2 пятнистые с участками поверхности темносерого или черного и красновато-желтого или желтовато-серого цвета (№№ 8 и 9). В последних двух случаях это, по видимому, не первоначальный цвет сосуда. При нагревании в этих сосудах жидкой пищи поверхность их на участках, подвергавшихся действию сильного огня, делалась красной

или желтой, а там, где на стенки попадала жидкость, содержащая раствор или эмульсию органических веществ, обугливавшихся, но не сгоравших при слабом огне, она окрашивалась в черный цвет. Темносерый и черный цвета сосудов рассматриваемой группы получены преднамеренно пропитыванием их стенок органическими веществами, которые при обжиге на равномерном и умеренном огне обугливались, но не сгорали. В этом легко убедиться, прокаливая черепок на сильном огне; поверхность его быстро теряет свою темную окраску и становится красной или желтой.

По форме и назначению вторая группа сосудов состоит из трех типов посуды — кубков, чаш и небольших горшков.

Кубки — их 2 (№№ 1 и 2) — сходны по форме, орнаменту и другим основным признакам. Оба имеют наlepной конический поддон и слабо отогнутый наружу венчик. Это, несомненно, сосуды для питья. Вмещают около 0.5 л жидкости (емкость современных пивных кружек). Не имеют никаких признаков употребления их на огне.

Чаш также 2 (№№ 4 и 5), обе сходны по форме, но по-разному украшены. Венчики, слабо выраженные, слегка отогнуты наружу. Дно в обоих случаях выпуклое. У сосуда № 4 наблюдается перелом профиля в том месте, где кончается орнамент, что производит впечатление уплощенного дна, но стоять на плоской поверхности сосуд не может. Это, по-видимому, также сосуды для питья, но иной вместимости, чем кубки, — 1.5 и 1.3 л, предназначенные, возможно, для другого сорта напитков или жидкой пищи. И эти чаши никаких следов употребления их на огне не имеют.

Наконец, третий тип посуды — небольшие горшки (№№ 3, 6—9), довольно разнообразные по деталям формы и по украшениям. Общим для них является ясно выраженное уплощенное дно и венчик, иногда прямой. Все 5 сосудов украшены по-разному, как в смысле рисунка, так и техники его исполнения. Размеры их примерно таковы же, как и у чаш, — вмещают от 1.2 до 1.6 л жидкости, и только один сосуд (№ 6) несколько крупнее — емкость его 2.1 л. Судя по наличию на двух сосудах нагара (№№ 3 и 9) и на одном — темных пятен (№ 8), в этой посуде варилась пища.

Интересно детальное рассмотрение орнамента, особенно техники его нанесения. Прежде всего остановимся на инструментах, которыми он нанесен. На сосуде № 8, украшением которого служат 4 наlepных бугорка, боком тонкой с закругленным острием палочки оттиснуты вокруг этих бугорков концентрические ряды продолговатых ямок. На сосуде № 3 более сложный рисунок оттиснут штампом, представляющим собой узкую пластинку, на конце которой сделано 3 косых среза (рис. 13, 3). Оттиски получались в виде длинных фигурок-черточек, контуры которых образованы, с одной стороны, прямой линией, с другой, — неправильно зигзагообразной. Еще более сложный рисунок сосуда № 7 выполнен оттисками тонкой и длинной гладкой пластинки или лезвием ножа и состоит, таким образом, из тонких гладких линий.

Нарядные рисунки следующих пяти сосудов оттиснуты гребенчатыми штампами. На сосуде № 6 это прямой штамп с 21 поперечной зарубкой (рис. 13, 6). Полный оттиск его представлял собой глубокий желобок, длиной в 21 мм и шириной в 1.1—1.2 мм, с 21 поперечной перегородкой.¹

¹ На сосуде не удалось рассмотреть полных оттисков штампа. Обычно один конец оттиска, а иногда и оба, деформированы другими оттисками (оттисками, образующими контуры рисунка, а в последних — соседними примыкающими). Очень часто штамп погружался в глину так, что один конец его давал глубокий оттиск, а другой совсем не касался поверхности сосуда. Полный оттиск штампа, следовательно и форма штампа, устанавливались по частям, учитывая разные индивидуальные особенности отдельных зарубок — глубина их, расстояние между ними, дефекты и т. д. Наблюдения эти производились преимущественно по оттискам поверхности сосуда на пластилине. Таким путем исследованы штампы и на других сосудах.

На сосуде № 5 применен такой же штамп, но более короткий и широкий, с зарубками, сделанными не перпендикулярно плоскости пластинки, а под углом с двух сторон ее (рис. 13, 5). Зарубки расположены большей частью почти точно одна против другой. Поэтому при первом взгляде на

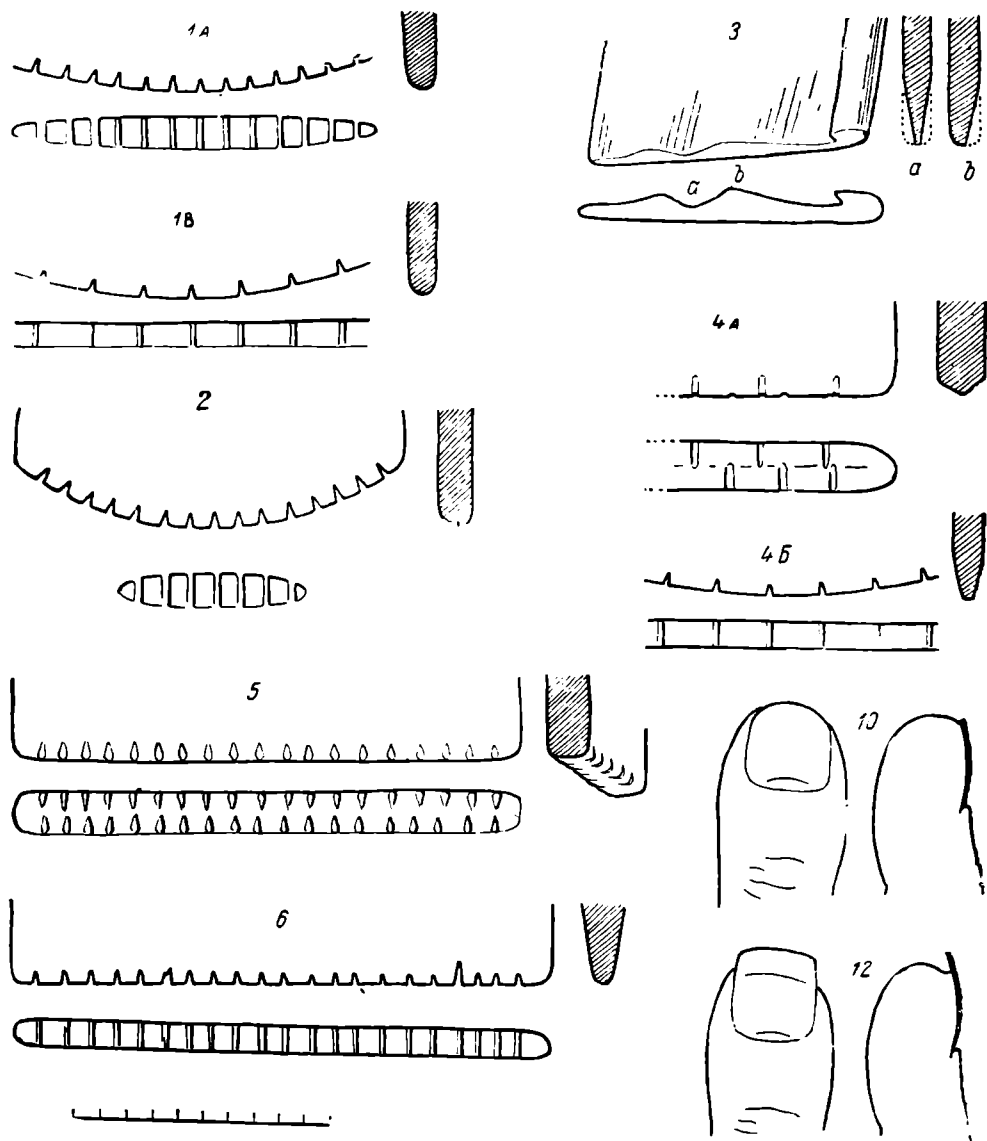

Рис. 13. Дындыбай. Керамические штампы — реконструкция (номера штампов соответствуют номерам сосудов).

оттиск кажется, что перед нами обычная гребенка с поперечными зарубками. Полные оттиски этого штампа представляют собой желобок, длиной в 19,5 мм и шириной около 1,7 мм, с 19 перегородками, высокими по бокам оттиска и почти незаметными или прерывающимися посередине. На сосуде № 2 штамп выпуклый с 15 поперечными зарубками (рис. 13, 2).¹ Полный оттиск штампа — желобок, длиной в 16 мм, шириной около 1,4 мм;

¹ Кривизну (степень выпуклости) штампа точно установить не удалось, так как пластилиновые отпечатки при снятии их с поверхности сосуда обычно деформируются и дают разные определения степени выпуклости для разных оттисков одного и того же штампа.

с 15 поперечными перегородками. Оттисками во всю длину штампа, полученными путем поворачивания штампа от одного конца его к другому, выполнены две линии, опоясывающие сосуд в нижней части рисунка около поддона. Двумя штампами исполнен орнамент на сосуде № 1. Оба штампа выпуклые. Длину их и кривизну установить не удалось. Оттиски одного штампа (ряды черточек, образующих опоясывающие сосуд ленты) — короткие желобки, глубокие посредине и сходящие на нет по концам, шириной в 1.3 мм, с перегородками на расстоянии немного более 1 мм друг от друга (рис. 13, 1, А). Оттиски второго штампа (контуры рисунка) — длинные желобки, шириной в 1 мм, с поперечными перегородками на расстоянии в среднем около 2 мм друг от друга (рис. 13, 1Б). Двумя же штампами исполнен и орнамент сосуда № 4. Контуры рисунка также представляют оттиски выпуклого штампа, отпечатавшего на сосуде длинные желобки, шириной около 1 мм, с поперечными перегородками на расстоянии в среднем около 2.1 мм друг от друга (рис. 13, 4Б). От соответствующего штампа на предыдущем сосуде этот штамп отличается несколько большим расстоянием между перегородками и очертаниями поперечного профиля зазубренного края пластинки — в первом случае профиль прямоугольный с закругленными углами (рис. 13, 1Б), во втором — трапецевидный, также с закругленными углами (рис. 13, 4Б). Вторым штампом оттиснуты ряды черточек, образующих ленты рисунка. Это прямой штамп с тупым заострением на две грани. По каждой грани сделаны зарубки на расстоянии около 2 мм друг от друга (рис. 13, 4А). Ширина штампа 1.8 мм. Длину установить не удалось, так как все оттиски сделаны одним концом штампа; длина их не превышала 9 мм.

Наконец, последние 4 сосуда украшены ногтевыми зацепами и оттисками ногтя. С помощью пластилина удалось отметить особенности формы ногтей на руке, лепившей и украшавшей посуду. Так, на сосуде № 9 устанавливается, что на большом пальце руки гончара ноготь отрос на 2.5 мм, а на указательном подрезан под корень (длина его менее 0.5 мм). Рука, украшавшая сосуд № 12, имела на большом пальце ноготь длиной в 4.5 мм, а на указательном — только около 1 мм. При этом оба ногтя подрезаны прямо — «лопаточкой» (рис. 13, 12). На сосуде № 10 орнамент состоит из ногтевых оттисков большого пальца с ногтем, подстриженным коротко (1 мм) и закругленно (рис. 13, 10). Наконец, на сосуде № 11 ногтевые оттиски сделаны, судя по размерам, указательным или другим, но не большим пальцем, также подстриженным коротко и закругленно.

На рассмотрении штампов и ногтевых оттисков я так подробно остановился в связи с тем, что это, как мне кажется, дает возможность сделать некоторые важные заключения. Прежде всего замечательно, что каждый сосуд орнаментирован особым или особыми штампами, не использованными для какого-либо другого из наших 12 сосудов. В тех случаях, когда роль штампа выполнял ноготь, то и ноготь на каждом сосуде был особый, не повторявшийся на других сосудах. Также и состав глины и ее цвет у каждого сосуда чем-либо отличаются от всех других сосудов. Все это говорит о том, что рассматриваемые 12 сосудов сделаны если не двенадцатью разными лицами, то во всяком случае несколькими лицами и в разное время. Нет двух таких сосудов, которые происходили бы из одной партии продукции какого-либо гончара. Это — продукция многих мастеров, и, следовательно, по керамическому материалу из нашего одного погребения можно судить о различных типах посуды, бытовавшей на р. Чурубай-нуре в районе урочища Дындыбай, с такой же полнотой, с какой мы судили бы о них по 12 сосудам из 12 разных погребений.

Чем же объясняется наличие в одном погребении посуды, изготовленной многими мастерами? Вряд ли можно допустить, чтобы в семье умершего все имевшиеся в хозяйстве глиняные сосуды были сделаны разными мастерами. Вероятнее всего, умершему в могилу положена не его (или — не только его) посуда, а посуда его сородичей, принимавших участие в похоронах, соорудивших могилу и снабдивших покойника загробной пищей. Таким образом, наши наблюдения над техникой нанесения орнамента на посуде позволяют осветить и некоторые особенности погребального обряда — снаряжали покойника в загробный мир не только члены его семьи, но, вероятно, и сородичи, дававшие ему от себя пищу в своей посуде. Отсюда становится понятным, почему посуда одного погребения так разнообразна по технике изготовления, по форме, по ее орнаментации.

Керамика из погребения в Дындыбае не имеет точных аналогий. Она довольно своеобразна. Тем не менее, место ее среди хронологических групп керамики южной Сибири легко определяется. Это — керамика карасукского этапа со всеми свойственными ей основными особенностями.

Одной из характернейших черт карасукской керамики является изготовление ее техникой выдавливания из кома глины и связанная с этим шаровидная или близкая к ней форма сосудов. И то и другое появилось и получило широкое распространение на карасукском этапе. Если посуда андроновской культуры довольно однообразна по своей форме почти по всей территории ее распространения, то на карасукском этапе в отдельных районах выработались особые, местные варианты форм посуды. Так, для Минусинских степей характерны сосуды с выпуклым (сферическим) дном и узким, часто прямым вертикальным горлышком; для района р. Томи — сосуды с плоским дном и прямой высокой шейкой, отогнутой наружу, наряду с небольшими сосудиками, близкими по форме к минусинским;¹ для района верхней Оби — сосуды с уплощенным дном и небольшим прямым вертикальным горлышком или узким утолщенным «воротничком» на шейке.² Керамика р. Чурубай-нуры дает еще один, четвертый вариант форм, пока еще недостаточно четко выявленный.

Орнаментация посуды этих районов также имеет свои местные отличия: в Минусинских степях преобладают гладкие сосуды без орнамента или с очень скромным украшением на плечиках и в основании шейки;³ в районе р. Томи обычно основание горлышка украшено рядом ямок и горошинок, горлышко — сеткой пересекающихся линий, а плечики — различными фестонами; в районе верхней Оби на прямом горлышке обычно помещен ряд гладких ромбов на заштрихованном фоне, а на утолщенном «воротничке» ряды насечек или сетка, и, наконец, на плечиках сложные фестоны. Для керамики Чурубай-нуры характерно преобладание ленточных или поясных рисунков, причем горлышко либо совсем не украшается, либо украшается примерно таким же рисунком, как и плечики.

Керамика Чурубай-нуры не может быть причислена ни к типу верхнеобской, ни томской, ни тем более минусинской. Это новый, четвертый вариант карасукской керамики. Так же как и в других районах, в орнаментации посуды с р. Чурубай-нуры сохранились связи с предшествующей

¹ Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Тр. Томск. ун-в., т. 98, 1947, табл. 16, 5: 20, 1, 3, 5: 25 и др.

² С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири, табл. XVI. — М. П. Грязнов. Из далекого прошлого Алтайского края, табл. I.

³ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, III, 2, 1927, табл. XII.

щей андроновской керамикой, имеются и черты, переживающие позже в керамике оседлого населения эпохи ранних кочевников. Отметим некоторые из характерных черт орнамента.

Рисунок, составленный из лент с поперечной или косой штриховкой (сосуды №№ 1—4, 6 и 7), — характернейшая черта карасукской керамики. В андроновской керамике ленты заполнялись, как правило, продольной штриховкой. Только на некоторых позднеандроновских сосудах стала появляться косая и поперечная штриховка лент.¹ В карасукской же керамике минусинского, томского и верхне-обского вариантов во всех случаях штриховка всегда поперечная или косая, а не продольная.

Перекрестная штриховка, или сетка (сосуд № 7), неизвестная для андроновской керамики, распространена в орнаментации горлышка карасукских сосудов, особенно, в районе р. Томи. В оседлых поселениях эпохи ранних кочевников на р. Оби она сохраняется вплоть до бийского этапа.

Орнамент в виде пояска с вписанным в него рядом ромбов (сосуд № 7) распространен повсеместно в карасукской керамике, на Оби же он является самым излюбленным мотивом украшения сосудов. Впервые он появляется в позднеандроновское время (там, в отличие от карасукских — заштрихованные ромбы на гладком фоне),² позже он продолжает еще встречаться и в керамике большебереченского этапа на р. Оби.

Чередование элементов орнамента в шахматном порядке (сосуд № 5) характерно для карасукской керамики (обычно в более простых формах) и не известно в андроновской.

Прекрасным примером, указывающим на генетическую связь карасукской керамики с андроновской, является сосуд № 6. Его форма, несмотря на иную технику изготовления, близко напоминает очертания андроновских сосудов. Ряд косоугольных заштрихованных треугольников по венчику, ряд z-образных фигур на шейке и ряд волют, выполненных в прямолинейной технике, — это характерные элементы орнамента андроновской посуды, так же как и общая композиция орнамента. Между тем, все это выполнено в необычных для андроновской керамики формах. Все похоже и вместе с тем все отлично от андроновских форм орнамента.

Замечательно, что и 3 сосуда (№№ 10—12), вылепленные ленточным способом, т. е. техникой, характерной для андроновской керамики, которые, казалось бы, должны были иметь с последней наибольшее сходство, на самом деле весьма отличны от нее и по форме и, особенно, по орнаменту. Орнаментация посуды техникой ногтевых оттисков не применялась ни в андроновской керамике, ни в карасукской в районах Оби, Томи и Енисея. Однако для карасукской керамики характерно появление рельефных украшений в виде утолщенного, повидимому налепного, «воротничка» на венчике сосуда, налепного валика и выдавленных изнутри бугорков. Сюда же следует отнести налепные бугорки на нашем сосуде № 8. Разновидностью таких рельефных украшений, быть может, следует считать и ногтевые оттиски четырех наших сосудов.

Как показали раскопки последних лет, погребение Дындыбай 11 не единственный в своем роде памятник. Погребения, весьма близкие по

¹ См., например: М. П. Грязнов. Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», Л., 1927, рис. 20, 3, 5 и 17. — Г. В. Подгаецкий. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска. МИА СССР, № 1, М.—Л., 1940, табл. I, 4.

² С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае, табл. IX, 9, 10.

конструкции могильных сооружений и по инвентарю, исследованы А. Х. Маргуланом и Л. Р. Кызласовым в горах Бегазы на правом берегу р. Бегазы (приблизительно в 250 км к юго-западу от Дындыбая и 80 км к северу от оз. Балхаш).

Могильник Бегазы состоит из семи могильных каменных оград — двух больших и пяти малых. В 1947 г. А. Х. Маргулан раскопал одну малую ограду,¹ а в 1948 г. Л. Р. Кызласов — одну большую и одну малую.²

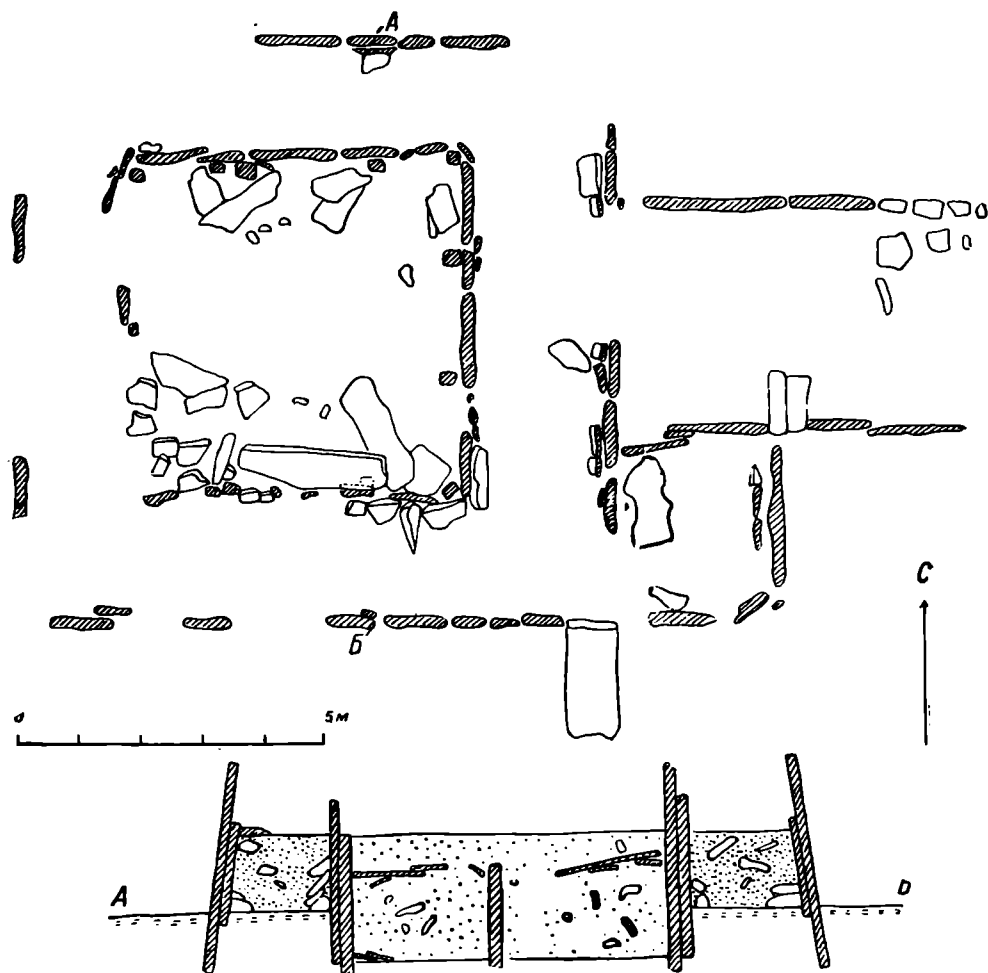

Рис. 14. Бегазы. План и разрез могилы № 2. (По чертежу Л. Р. Кызласова и А. Х. Маргулана).

Подробное описание раскопанных могил опубликовано. Поэтому нет надобности его повторять. Отметим лишь основные характерные черты.

Подобно погребению в Дындыбае, просторные квадратные могилы с каменными стенами основанием своим погружены в землю на глубину до 80 см и окружены квадратной же каменной оградой. Как и в Дындыбае, верхняя часть могилы возвышалась над землей (рис. 14). Сходные по форме и размерам надмогильных сооружений, бегазинские погребения отличаются от Дындыбаевского по материалу и конструкции стен, и по-

¹ А. Х. Маргулан. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. ИАН КазССР, № 67, сер. археолог., вып. 2, Алма-ата, 1950, стр. 13—18.

² Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 126—136.

этому внешний вид их совершенно иной. Вместо толстых стен, сложенных из бутового камня, к настоящему времени развалившихся и почти сравнявшихся с окружающей землей, на бегазинских могилах стоят видимые издалека высокие стены, сооруженные из гладких правильно подобранных каменных плит (рис. 15). Конструкция крыши или потолка могилы осталась невыясненной. Наличие на поверхности могилы разбросанных тонких плит позволяет предполагать, что кровля могилы была сооружена из плит, уложенных, вероятно, на бревнах. Бегазинские могилы отличаются также наличием «тамбура» с восточной стороны ограды.

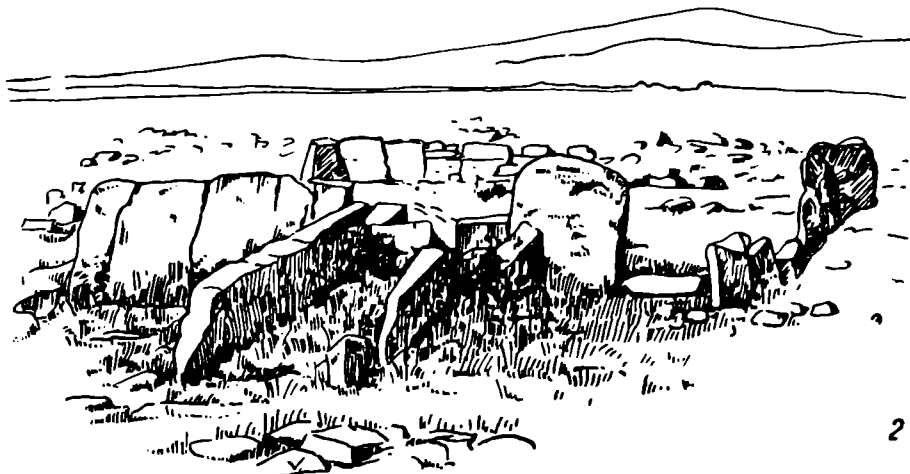
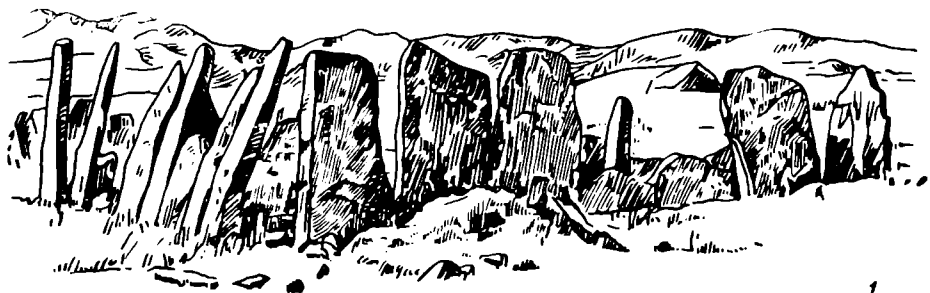

Рис. 15. Бегазы. Внешний вид могил.

1 — могила № 2; 2 — могила № 4. (По Л. Р. Кызласову и А. Х. Маргулану).

Все три исследованные погребения оказались разграбленными. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что могилы, как предполагают исследователи, разграблены вскоре после захоронения. Никаких оснований в пользу своего предположения авторы не приводят, а наблюдавшееся ими при раскопках расположение останков погребенного в могиле указывает на то, что разграбление произведено спустя многие десятки или даже сотни лет после захоронения, когда кости не только освободились от мышечных тканей и связок, но и утратили свою прочность. Кости человека и животных находились в могилах и в виде стдельных разрозненных обломков.

Судя по размерам могильных сооружений, их монументальности, погребения могильника Бегазы также принадлежат представителям родоплеменной знати, но от несомненно богатого их инвентаря сохранилось очень немного. В ограде № 2 (большой) обнаружены только остатки костей человека, «большое количество дробленных костей животных»,

черепки от нескольких сосудов, плоскодонных и с выпуклым дном (рис. 16, 1, 2), два бронзовых наконечника стрел (рис. 16, 3, 4), «костяная застежка» (рис. 16, 6) и «костяная трубочка (буса?)» (рис. 16, 5).

В ограде № 3 (малой), кроме обломков костей человека и животных, найдены черепки нескольких сосудов (рис. 17, 1—4), обломок каменного «оселка» (рис. 17, 7), «круглый заполированный камень, диаметром около 4.5 см», «костяная полированная трубочка (буса?)» (рис. 17, 5), черная буса (рис. 17, 6) и в юго-западном углу могилы «скопление астрагалов барана, лошади и архары».

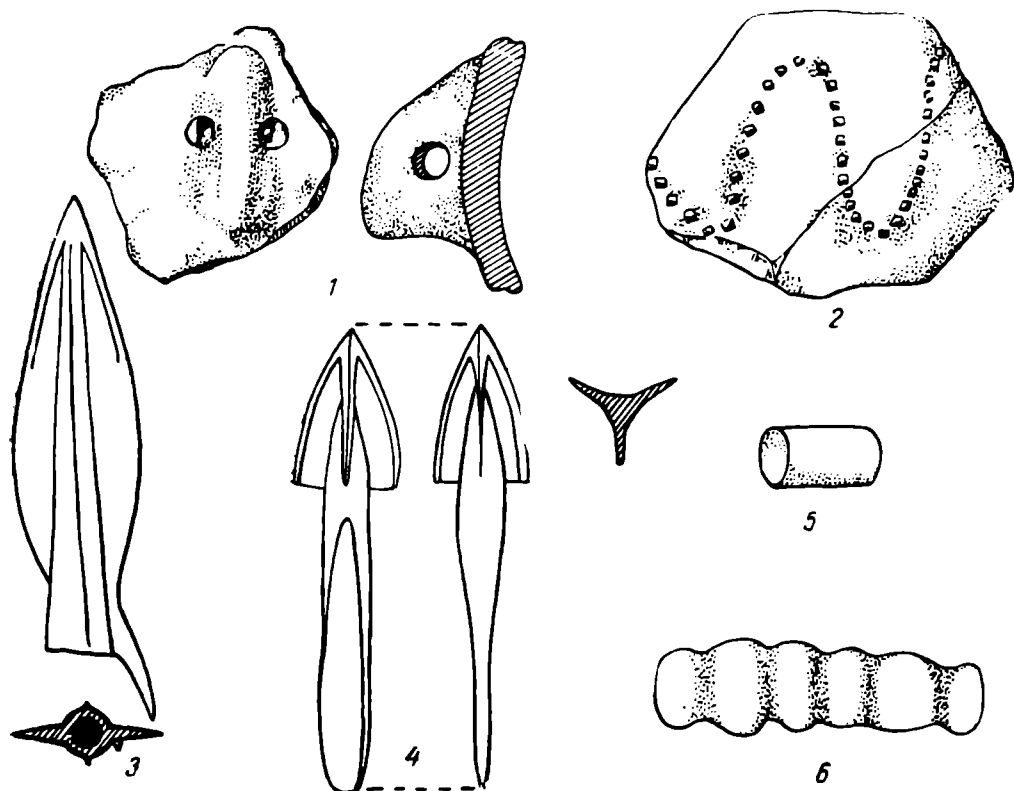

Рис. 16. Бегазы. Вещи из могилы № 2.

3—6 — нат. вел. (По Л. Р. Кызласову и А. Х. Маргулану).

Еще меньше находок в ограде № 4, самой малой в могильнике. Здесь «среди перемешанных с землей костей человека и животных были обнаружены»¹ черепки трех сосудов (рис. 18).

Нетрудно видеть, что и по инвентарю погребения могильника Бегазы сходны с дындыбаевским. Здесь также в каждой могиле находится по несколько глиняных сосудов, которые, как и в Дындыбае, сильно варьируют по формам и орнаменту, но принадлежат в общем одному керамическому комплексу. В могилах сохранилась только часть сосудов, притом не полностью. Многие из них представлены лишь незначительными фрагментами. В числе сохранившихся преобладают фрагменты крупных, грубой лепки, плоскодонных сосудов с ногтевым или нарезным орнаментом (рис. 18, 1), подобных сосудам первой группы из погребения в Дындыбае. Среди них следует отметить сосуд с наlepным валиком и отогнутым наружу венчиком (рис. 18, 2).

Различные варианты таких сосудов с наlepным валиком известны среди керамики предскифского времени в поселениях у с. Малая Крас-

¹ Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан, ук. соч., стр. 131.

ноярка на р. Иртыше¹ и с. Мечеть на р. Буконь,² на месте древних горных разработок близ прииска Степняк в Кокчетавских горах и в Алексеевском поселении на р. Тоболе.³ Вместе с тем в могильнике Бегазы представлена и вторая группа сосудов, отличающихся лучшей выделкой, шаровидной формой тулова, более нарядным геометрическим орнаментом, ложенных (рис. 17, 1—4). Как и в Дындыбае, часть из них с выпуклым дном, часть с уплощенным. У некоторых хорошо выражен прямой, характерного типа, венчик (рис. 1—3, 4).

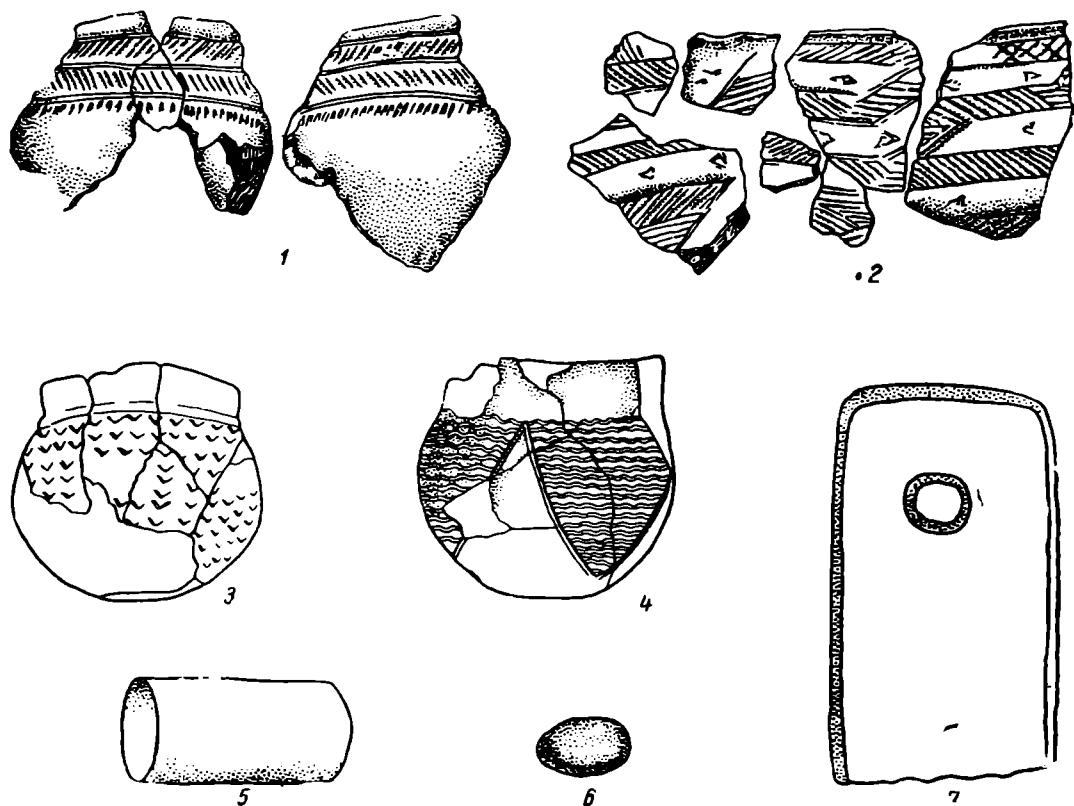

Рис. 17. Бегазы. Вещи из могилы № 3.

5—7 — нат. вел. (По Л. Р. Кызласову и А. Х. Маргулану).

Из других вещей надо отметить каменный «оселок» типа, широко распространенного в южной Сибири в скифское время (рис. 17, 7). Однако следует учесть, что один такой «оселок» был найден в погребении карасукского могильника на Долгой Гриве близ д. Камышенки на р. Оби (С. М. Сергеев, 1930). Бронзовые наконечники стрел также принадлежат типам, характерным для раннескифского времени. Один из них, втульчатый, с опущенным вниз шипом (рис. 16, 3), представляет собой форму, которая встречается в памятниках не только раннескифского времени, но и доскифского. Такие наконечники найдены, например, в кургане Малая Цимбалка в Приднепровье⁴ и далеко на севере, в с. Загорье Московской обл. на р. Сестре вместе с бронзовым кельтом сибирского

¹ С. С. Черников. Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. ИАН КазССР, № 67, сер. археолог., вып. 2, Алма-ата, 1950, рис. 12, 1, 2.

² Там же, рис. 3.

³ О. А. Кривцова-Гракова, ук. соч., рис. 56, 10—14; 57, 12—14; 59, 13—18; 61.

⁴ Р. Рау, ук. соч., табл. XIV, 2, Е.

карасукского типа.¹ Другой наконечник стрелы, черешковый, трехперый (рис. 16, 4), принадлежит типу, не известному в Восточной Европе, представленному в крайне ограниченном количестве в памятниках южной Сибири скифского времени и пока не встреченному в памятниках достоверно карасукского времени. Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан указывают на погребение Алеп-аул, № 3, на р. Нуре, как на памятник, аналогичный погребениям в Дындыбае и Бегазы, с чем, повидимому, следует согласиться. В погребении найден бронзовый наконечник стрелы, совершенно подобный рассматриваемому. К сожалению, памятник этот мало выразителен. Сохранились лишь угол каменной ограды, могильная яма

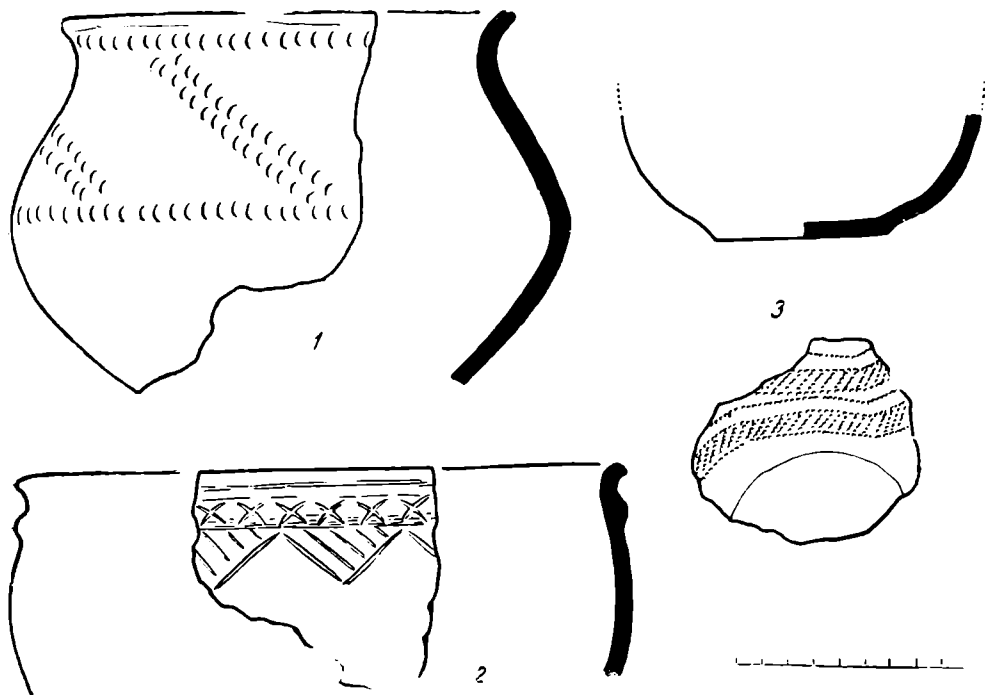

Рис. 18. Бегазы. Керамика из могилы № 4. (По рисункам А. Х. Маргулана).

с лежавшей на краю каменной плитой и наконечник стрелы в засыпке ямы.² Погребение датируется лишь аналогией его с могильниками Бегазы и Дындыбай. Следовательно, его можно рассматривать как третий пункт нахождения погребений типа Дындыбай—Бегазы. Надо отметить, что это погребение находилось на площади, занятой андроновским могильником, где никаких остатков видимых на поверхности прямоугольных оград не наблюдалось.

Как ни малочисленны еще памятники рассматриваемого типа, они настолько своеобразны и характерны, что не может возникнуть сомнения о принадлежности их к особому этапу в развитии культуры древних племен Центрального Казахстана. Наличие сходства их с памятниками андроновской культуры по некоторым элементам формы и орнаментации глиняной посуды, с одной стороны, и с памятниками раннескифского времени по формам наконечников стрел и «оселку», типичным для раннескифского времени, но появившимся еще в предскифское время, с другой, — позво-

¹ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934, рис. XI, 5—7. — Тр. I АС, стр. XVIII.

² Археологические работы Академии на новостройках. . . , II, стр. 53 и рис. 43.

ляет правильно определить их дату карасукским временем. Основным же критерием для установления их времени служит керамика, типично карасукская в одной своей части и близкая к керамике предскифского времени на Тоболе и далее на запад — в другой, но в обоих случаях вполне своеобразная.

Иначе решают вопрос о датировке этого памятника Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Считая бронзовые наконечники стрел из могильника Бегазы и погребения в Алеп-ауле раннескифскими, а в Монголии относящимися ко времени сооружения плиточных могил (хотя ни одного подобного наконечника в плиточных могилах Монголии и Забайкалья не найдено) и сопоставляя и объединяя «плиточные ограды» могильников Бегазы и Дындыбай¹ с плиточными могилами Забайкалья и Монголии, они датируют их VII—VI вв. до н. э. и считают их «локальным вариантом культуры плиточных могил, занимающей гигантскую территорию». Бронзовые наконечники стрел, как уже показано, принадлежат формам, появившимся еще в предскифское время, т. е. раньше VII в. до н. э., следовательно, они не могут служить основанием для датировки памятников, в которых они найдены, именно VII—VI веками, а не раньше. Сопоставление же бегазинских плиточных оград с плиточными могилами Забайкалья и Монголии является совершенным недоразумением. Только по первому впечатлению при беглом взгляде на памятники можно говорить о некотором их внешнем сходстве. Плиточные могилы Забайкалья и Монголии и каменные ограды Центрального Казахстана представляют собой два принципиально различных типа могильных сооружений. В первом случае — это небольшая, относительно узкая, могила, стены которой сооружены из вертикально поставленных плит, возвышающихся над поверхностью окружающей земли. Во втором — могильная ограда, внутри которой находится просторная квадратная же могила. Стены ограды и могилы такие же, как и в первом случае (Бегазы), или сложены из бутового камня (Дындыбай). Следовательно, могильные сооружения Казахстана, совершенно особого устройства, сходны с монгольскими лишь тем, что стены их в некоторых случаях сооружались из вертикально поставленных плит. Никаких других черт сходства между памятниками Казахстана и монгольскими нет, если не считать случайные находки бронзовых наконечников стрел, широко распространенных по всей степной полосе. Древним племенам Центрального Казахстана не надо было заимствовать из Монголии способ сооружения стен из вертикально поставленных плит. Нет надобности предполагать и переселение их из Монголии в Казахстан и появление в связи с этим обычая сооружать такие стены. Они давно уже были знакомы с этим у себя на родине. В предшествующий исторический период они систематически на своих могилах сооружали стены из вертикально поставленных плит или бутового камня. Недалеко от могильника Бегазы, в урочище Сарыколь, находится обширный андроновский могильник с круглыми и квадратными в плане оградками, сооруженными из вертикально поставленных плит. На больших курганах эти плиты образуют, как и в могильнике Бегазы, высокие стены, возвышающиеся до 1.5 м над уровнем окружающей земли и также слегка наклоненные вовнутрь.²

¹ Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан ошибочно предполагают, что ограда в Дындыбае первоначально представляла собой плиточную ограду, совершенно подобную бегазинским. Они введены в заблуждение неточным указанием отчета на «плиты крупных размеров», взятые из могильной ограды строителями Казахского зимника. В действительности, это относительно крупные камни, несколько уплощенной формы, такие же, каких много сохранилось на месте в основании ограды.

² Л. К. Н и ф о н т о в а, ук. соч., стр. 143—147.

Своеобразные формы памятников карасукского времени в Центральном Казахстане явились не результатом проникновения в Казахстан карасукской культуры, как это полагает С. В. Киселев.¹ В этом отношении Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан правы. Но они не правы, реконструируя обширную по распространению «культуру плиточных могил», к одному из вариантов которой принадлежат якобы и памятники Центрального Казахстана. Культура центрально-казахстанских племен карасукского времени сложилась на месте, на основе предшествующей андроновской культуры, несомненно, при тесном культурном взаимодействии с соседними группами племен.

Материалы погребений в могильниках Дындыбай и Бегазы еще недостаточны, чтобы дать полную характеристику представленной ими культуры, но все основные особенности уровня культурного развития, хотя бы и в самых общих чертах, могут быть освещены.

По находкам в Дындыбае и Бегазы можно заключить, что население Центрального Казахстана в карасукское время прекрасно владело техникой бронзовых изделий вплоть до изготовления литых втульчатых наконечников стрел, а мы знаем, что бронзовые стрелы входят в употребление в самом конце эпохи бронзы и наиболее характерны для эпохи раннего железа. Уже одно наличие бронзовых втульчатых стрел говорит о высоком уровне производства бронзовых орудий, о таком уровне, какой характерен для сибирских племен карасукской эпохи. Однако, наряду с этим, техника изготовления каменных орудий отжимной ретушью из сколотых пластинок все еще не забыта. Каково было назначение каменных орудий и насколько велика их роль в быту и хозяйстве, сейчас решить трудно.

Несомненна развитая система хозяйства пастушеского (вероятно, пастушеско-земледельческого) типа. Находка в могилах костей овцы, лошади и собаки мелкой породы говорит о весьма значительном удельном весе скотоводства в хозяйстве. Обилие посуды при умершем, хотя бы и не собственной, разнообразной по назначению свидетельствует о домовитости, что также надо связывать с развитым пастушеско-скотоводческим (и земледельческим) хозяйством. Надо предполагать и развитое домостроительство. Иначе не стали бы устраивать для умершего сооружение с каменными стенами, с бревенчатой пирамидальной крышей, не стали бы воздвигать каменную ограду вокруг могилы. Конечно, могильное сооружение не является точной копией формы жилых и хозяйственных построек, но какое-то представление о строительных приемах оно дает и в данном случае, вероятно, о приемах современных, а не тех, которые сохранились только для культовых сооружений, а в практической жизни применялись когда-то в прежнее время.

Картина погребения в Дындыбае, где могила сохранилась лучше других, дает не полное, но достаточно ясное представление об общественном строе. Прежде всего, погребение в Дындыбае указывает на наличие довольно значительной экономической дифференциации. С переходом к продуктивному скотоводству (в первую очередь молочному), совершившемуся еще в начале андроновской эпохи, скот стал переходить сначала в частное пользование патриархальных семей, а затем и в их частную собственность, что неизбежно вело к неравномерному обогащению отдельных семей. Уже среди памятников андроновской культуры наблюдается заметное различие погребений по богатству положенных с покойником предметов и соответственно по размерам и сложности могильных сооружений. По памятникам карасукского этапа можно отметить даль-

¹ С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири, стр. 93.

нейшее развитие этого процесса, и погребение в Дындыбае является примером могилы представителя богатой семьи, занимавшего, должно быть, и какое-то видное общественное положение в роде или племени. Погребение его сопровождалось сложным и, вероятно, пышным ритуалом. В могилу положено много пищи, оружие и, несомненно, другие соответствующие положению и богатству умершего предметы, представлявшие собой значительную ценность, ради которых могила вскоре же подверглась разграблению. Последнее обстоятельство очень важно для характеристики социально-экономических отношений. Это первый по времени известный мне случай разграбления могилы современниками. В условиях первобытно-общинного родового строя расхищение могил современниками было невозможно (если не считать случаев разграбления их иноплеменниками при военных набегах), так как сородичи или соплеменники не могли бы воспользоваться похищенным, не будучи уличенными в своем преступлении. Позже, в эпоху ранних кочевников, при дальнейшем развитии права частной собственности патриархальных семей на средства производства, прежде всего на скот, когда основной экономической единицей общества стала семья, а не род, когда отдельные семьи и их главы стали непосредственно вступать в обмен с семьями других родов и, может быть, племен, расхищение богатых могил соплеменниками, производившееся воровским способом, стало постоянным явлением, так как теперь уже можно было реализовать похищенные из могилы ценности, сохранив это в тайне от своих сородичей. В карасукскую эпоху, в частности — в Казахстане, процесс экономического обособления семьи достиг, повидимому, уже такой стадии, когда стали возможны первые попытки расхищения могил соплеменников. Погребение в Дындыбае — это пока первый и единственный случай разграбления могилы современниками в доскифское время. Однако надо оговориться, что в этом случае нам еще не удалось установить, расхищена ли могила воровским путем соплеменниками, или ее ограбили иноплеменники при вооруженном набеге. Я остановился пока на допущении первого решения вопроса, так как в исторической перспективе оно вполне закономерно.

— Еще одним свидетельством о значительном экономическом обособлении патриархальной семьи служат тамги на двух сосудах (№№ 2 и 5). Появление таких знаков, имеющих форму тамги, характерно для карасукской эпохи. Они имеются на некоторых бронзовых предметах карасукских типов из случайных находок: на ноже из Кулундинской степи,¹ на медной литейной форме для серпа с р. Вавилонки близ г. Змеиногорска² и довольно часто на серпах из Минусинских степей.³ Были ли это родовые или фамильные знаки, они и в том и в другом случае указывают на появление потребности отмечать свою собственность особым знаком (родовым или личным), на упечение представлений о правах отдельных собственников.

Изложенные соображения о хронологической принадлежности могильников Дындыбай и Бегазы и об уровне культуры оставившего их населения, мне кажется, с несомненностью показывают, что это не какое-то случайное явление среди памятников Казахстана, а вполне закономерный факт в истории его древних племен. В процессе своего исторического развития андроновские племена Центрального Казах-

¹ Коллекция Н. С. Гуляева. ГИМ, инв. № 38160.

² Омский музей.

³ В. В. Р а д л о в. Сибирские древности, I, 3. МАР, № 15, СПб., 1894, табл. XV, 5, 7, 9. — А. М. Т а л л г е н. Collection Tovostine. Гельсингфорс, 1917, табл. V, 7, 15—17.

стана достигли примерно того же уровня развития своего хозяйства и социального строя, что и племена Енисея, Томи и Оби в карасукскую эпоху. И во внешних проявлениях культуры, в ее этнографическом облике — в частности, в форме и орнаментации посуды — они приобрели много сходных с карасукскими племенами черт. Культуру племен, памятниками которых являются могильники Дындыбай и Бегазы, надо рассматривать как локальный вариант карасукской культуры, другими вариантами которой является собственно карасукская культура Минусинских степей, затем слабо освещенные в археологической литературе памятники района р. Томи и, наконец, верхней Оби. Дальнейшие археологические раскопки в Казахстане, несомненно, откроют со временем значительное количество новых памятников карасукской культуры, которые позволят изучить ее во всех интересующих нас деталях.¹

В Минусинских степях в карасукскую эпоху выработались и получили широкое распространение бронзовые орудия новых форм — ножи и кинжалы с массивной рукоятью, отлитой вместе с клинком и украшенной рисунком из выпуклых линий и точек. Для ножей характерна массивность тыльной части клинка. То же самое имело место и в Казахстане, как это я пытался показать в своей статье «Казахстанский очаг бронзовой культуры».² И там ножи и кинжалы обладали теми же признаками, но формы их были несколько иными. Несколько иными были и несложные орнаменты, украшавшие рукоять. Новые находки бронзовых ножей и кинжалов в районе прииска Степняк и на поселении близ с. Алексеевки совершенно тех же типов, какие были известны ранее только в пределах Восточного Казахстана, позволяют теперь заключить, что орудия казахстанского типа были распространены на обширной территории от западных склонов Алтая и почти до Урала. Это значит, что по производству бронзовых орудий — одному из важнейших элементов культуры — древние племена Казахстана предкифского времени перешли на новый этап, отличный от андроновского и весьма сходный с минусинским карасукским.

Несомненно, на новый этап они перешли и в области производства глиняной посуды. Это отчетливо видно на примере могильников Дындыбай и Бегазы, как будто не вызывающих сомнений в принадлежности их керамики к карасукскому типу. Это можно уловить и при рассмотрении керамического материала с прииска Степняк и с поселений близ Алексеевки, Малая Красноярка и др.

Карасукскую керамику (так же как и андроновскую) Минусинских степей и верхней Оби мы знаем почти исключительно по могильным находкам, следовательно, в виде целых сосудов и в ограниченном наборе форм. В связи с этим определить культурную и хронологическую принадлежность двенадцати полных сосудов из погребения в Дындыбас и нескольких сосудов из могильника Бегазы, несмотря на все их своеобразие, не представило особых трудностей. Гораздо труднее оказалось определение керамики с мест горных разработок близ прииска Степняк и с поселения близ Алексеевки, найденной в обломках, смешанной с обломками посуды андроновского типа и представленной бóльшим количеством форм посуды, чем это имеет место в погребениях. Тем не менее О. А. Кривцова-Гракова сумела в Алексеевском поселении отделить от ранней, типично андроновской, более позднюю керамику — сосуды с налечами и отогнутой шейкой и узкогорлые горшки, но, рас-

¹ Летом минувшего года, когда настоящая статья находилась уже в издательстве, А. Х. Маргулан открыл и раскопал еще несколько могил, подобных рассмотренным, на р. Талды-нура, в 100 км к юго-востоку от Дындыбая.

² Сб. «Казак», III, Л., 1930, стр. 149—162.

сматривая ее как дальнейшее развитие андроновской керамики, как более близкую к андроновским формам и отличную от карасукских, называет ее андроновской — позднеандоновской.¹

Следует отметить, что керамика Дындыбая и могильника Бегазы, также генетически связанная с андроновской, сохраняющая многие характерные для нее черты, в то же время значительно отличается от карасукской восточных районов ее распространения. Если бы керамика из Дындыбая и Бегазы дошла до нас в виде отдельных обломков, она была бы определена как андроновская с примесью каких-то непонятных более поздних форм (сосуды №№ 8—12). Только обломки венчиков сосудов №№ 7 и 8 давали бы повод вспомнить о карасуке.

Поздняя керамика Алексеевского поселения еще меньше сходна с минусинской карасукской, чем керамика Дындыбая и Бегазы. Больше общих черт она имеет с карасукской керамикой Томи, Оби и Центрального Казахстана. Есть черепки, совершенно аналогичные нарядным сосудам Дындыбая. Отличия, указанные О. А. Кривцовой-Граковой, также находят аналогии в карасукской керамике. Выше уже отмечалось, что для карасукского этапа характерно появление рельефных украшений, в том числе и налешного валика.² Сосуды с отогнутым венчиком есть и на Енисее.³ Узкогорлые сосуды также входят в число форм карасукской посуды.⁴ С другой стороны, как это убедительно показала О. А. Кривцова-Гракова, поздняя алексеевская керамика по своим формам и орнаменту находит весьма близкие аналогии и на западе в памятниках хвалынской и поздней срубной культур.⁵ Не решая вопроса о том, что значительнее — отличия ли поздней алексеевской керамики от андроновской, или черты сходства ее с карасукской и срубно-хвалынской — отметим лишь наличие в ней и того и другого.

Сейчас можно считать установленным, что в предскифское время в разных районах Казахстана жили племена, культура которых, судя по керамике и бронзовым орудиям, была генетически связана с андроновской, но значительно или, во всяком случае, заметно от нее отличалась. Называть культуру этих племен андроновской мне представляется неправильным. В Центральном Казахстане это определено культурой карасукского типа. На западе, в районе Тобола, население предскифского времени было более тесно связано со срубно-хвалынскими племенами, и культура его заметно отличается от культуры карасукских племен. Граница распространения культуры карасукского типа находится где-то восточнее Тобола и Тургая.

¹ О. А. Кривцова - Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 163.

² С. А. Теплоухов, ук. соч., табл. XIV, 9; XV, 7; XVI, 3.

³ Там же, табл. XII, 30, 37; XVI, 2.

⁴ Например кувшин из раскопок С. М. Сергеева на Оби близ Камышенки в 1930 г. (Эрмитаж, ОИПК, инв. № 252-7). См. также: С. А. Теплоухов, ук. соч., табл. XII, 17. — Д. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, табл. XIX, 2.

⁵ О. А. Кривцова - Гракова, ук. соч., стр. 153—164.